

Ника Иналька

каждый наш выбор ведет к ней

Я.ЖИЗНЬ

16+

Нина Опалько

Я.ЖИЗНЬ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Опалько Н.

Я.Жизнь / Н. Опалько — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Близится великий день. 21 декабря 2112 года состоится запуск Солнета, который объединит все колонии землян в единую Сеть. В далекие просторы устремятся искатели приключений, открытий, вечной жизни. Теперь человечество ничто не остановит. Или? Там, в темных метановых глубинах, покоится страшная сила. Тея ищет следы других цивилизаций на Титане. Лайк хочет сбежать от хакерского прошлого к жизни в отдаленной колонии. Алиса мечтает создать идеальный мир на Земле. Как сплетутся их судьбы в борьбе за будущее человечества? И смогут ли они остановить то, что даже не понимают?

Содержание

1.	6
2.	13
3.	19
4.	25
5.	32
6.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

В оформлении обложки использована фотография автора Moose Photos с сайта <https://www.pexels.com/>
<https://www.pexels.com/photo/topless-woman-wearing-black-headband-1036642/>
Оформление обложки выполнено при помощи сервиса <https://www.canva.com/>

1.

20 ноября 2112 года

Титан, берег моря Лигеи, 137-й модуль исследовательской станции «Кассини»

31 день до запуска Солнета

– Держи правей! Давай, еще немного, поверни на десять градусов!

Тяжелый археологический костюм неохотно, вяло подчиняется командам. Мишка чувствует, как по лбу катятся капельки пота, мышцы сводит от перегрузки.

Исследовательский дрон, который они с Теей вдвоем силятся погрузить в узкий пролом льда, норовит вывернуться из хватки и грохнуться на поверхность. Край выскальзывает, Мишка подныривает, ловит беглеца у самой кромки льда – суставы костюма скрипят от натуги, принимая многотонный вес.

– Миша, черт побери! Откуда у тебя манипуляторы растут? – ругается Тея.

– Какого ляда мы его погружаем вручную? – огрызается в ответ напарник, – Вон, погрузчик стоит пылится.

– Погрузчик твой ахнет под лед за две минуты, вылавливай его потом, встанем тут на неделю.

Мишка остывает:

– Твоя правда. Давай, поднажали! Погрузим – и пойдем чай гонять.

Тея оглядывается на купол родного сто тридцать седьмого модуля, под которым призывно теплится мягкий свет, просачиваясь сквозь аэрогель обещанием уюта. У археокостюмов отменная теплоизоляция, но девушке хочется настоящего тепла. И чая. С булочкой. Или даже с двумя – лимит калорий на сегодня позволяет. Страсть к выпечке заставляет ее утроить усилия, сконцентрироваться до предела.

Через пять минут с негромким «бульк» дрон погружается под воду. Гладь метанового моря расходится рябью. Лигея сегодня спокойная, но чувствуется в этом затишье неизбежность приближения сезона ветров. Тея с Мишкой прибыли на Титан всего пять лет назад и застали мягкое лето, но старожилы уже стращали их ветреной зимой, ураганами и штормами. Время поджимает, и Тея мысленно скрещивает пальцы на удачу: дрон, миленький, ну хоть в этот раз не вернись пустым!

– Приятного плавания! – желает ему Мишка, неуклюже разворачивается спиной к расщелине и топает к куполу модуля. По его черному костюму ползут всполохи отражающегося оранжевого неба.

Тея поспекает следом. Она ненавидит работать в этих махинах, ей куда больше по душе обычная теплоизоляционная одежда и кислородная маска. Но чего теперь жаловаться, сама выбрала участок на берегу моря Лигеи, здесь без защиты не обойдешься. Она с тоской вспоминает, как приятно было трудиться в пустынях на южном полюсе. Легкая одежда, непыльная работа, и душа, горящая предвестием великих открытий. Спустя четыре года ее пыл поутих, а щенячий восторг сменился мрачной решимостью: если кто и найдет доказательства существования титанов, так это она.

Информационная бомба взорвалась еще до ее рождения. Тридцать лет назад рабочие, прокладывающие коммуникации для колонии, обнаружили среди грунта необычный предмет, который в последствии признали высокотехнологичным устройством. Отец Теи работал в земной лаборатории, которая билась над решением этой загадки. Все детство девочка слушала домыслы, догадки и предположения отца. Он рассказывал с таким жаром, с таким упорством,

что Тея впитала его как один из основополагающих законов мироздания. Она всегда знала, чему посвятит свою жизнь.

И вот она здесь. И какой ценой это далось! Если бы не связи отца, она ни за что не попала бы на Титан. Сюда допускались только бионики, и понадобился не один год, чтобы доказать, что именно она достойна быть здесь и пытаться разгадать загадку титанов.

А теперь она волочит ноги археокостюма по ледяной поверхности и заставляет себя вспомнить тот жар, то желание, ту страсть, которая привела ее на Титан. Тяжело не сетовать на судьбу, на тяжелые условия, на неудобное оборудование, на допотопность технологий. Без Сети им приходится работать почти наощупь, пробираться вслепую, вспоминать, как справлялись с исследованиями их предки. И Тея вынуждена напоминать себе, ради чего все это затевалось: только сюда, в самую молодую колонию, ее вел зов приключений, новизны, открытий, которым не осталось места на Земле.

Сто тридцать седьмой модуль исследовательской станции «Кассини», названной в честь первой миссии на Титан, встречает их особым уютом. Такой ученые распространяют, как чуму, в любых местах, где они поселяются. Строгий порядок предметов, инструменты, разложенные по размеру и назначению, и на контрасте – следы чаепития, кружки, которые вечно забывают погрузить в мойку, обрывки записей, чертежи, потрескивающие в воздухе голограммы карт.

Миша и Тея скидывают тяжеленные археокостюмы. Теперь Тея почти на две головы ниже напарника, ее тоненькая фигура на его фоне кажется совсем девчачьей. Ей двадцать пять, но выглядит она от силы на пятнадцать, что злит ее безмерно, ведь сегодня в моде сорокалетние. Вон, Мишка еще неделю назад перестроил свое бионическое тело по последнему слову. Он высок, угрюм и широкоплеч. Ясные голубые глаза окружены сетью правдоподобных морщинок, а в темных волосах даже виднеется легкая седина. Рядом с ним Тея смотрится еще моложе, будто степенный папаша вывел прогуляться свою дочку-подростка, щуплую, угловатую, с взлохмаченными короткими каштановыми волосами, россыпью веснушек и круглыми глазами цвета молодой травы. Губки бантиком и заостренные ушки, как у сказочного эльфа, только усиливают эффект.

Тея вздыхает. Ее сестра, Кристина, обещала, что ей закажут бионика, как только соберут сумму. И когда это будет? Сколько ей еще оставаться единственным человеком в колонии? Год? Два? Пять лет? Достало.

Мишка уже делает чай. Тея с завистью следит за точеными движениями его бионика. Ни одной осечки, ни одного лишнего миллиметра, никакой тряски. Идеально.

Чай дымится в кружках, напарник устало опускается в кресло. Усталость эта наигранная, скорее привычка из прошлой жизни, чем необходимость. Тея опускается рядом, стараясь казаться бодрой. Хотя она как раз устала по-настоящему. Управлять археокостюмом в человеческом теле – та еще работенка.

В сто тридцать седьмом модуле работают по старинке. Здесь стоят огромные экраны, на которых напарники теперь следят за данными с камер зонда. Шустрый искатель погружается, разрезая мутные глубины Лигеи. Мишка шумно прихлебывает из чашки, выдыхает блаженно и заводит светскую беседу:

– И чего ради я неделю провозился, оснащая дрона трехмерной камерой, если все равно смотрим на экранах, как пещерные люди?

– Потерпи месяцок, будем смотреть нормально.

– Смотреть будем нормально, – эхом отзывается Миша, – жить будем, как собаки в марсианском зоопарке.

– Ты пессимист, Миша. Разве ты не скучаешь по Сети? По нормальному общению с близкими?

– Думаешь, я потому сижу здесь с тобой на краю мира, что у меня на Земле близких вагон и маленькая тележка? – вопрос риторический, и Тея молчит в ответ. А Мишка продол-

жает, – По Сети да, скучаю. Но даже удовольствие от погружения не затмит тот факт, что после включения Солнета сюда хлынут туристы и переселенцы.

– Как хлынут, так и схлынут. Сам знаешь, нам до нормальной колонии еще далеко.

– Зато снимут лимит.

Да, об этом Тея забывает. Она не знает этого ощущения секундомера, который мысленно тикает у всех биоников. Они продлевают контракт на тело каждый год. И каждый год подписка стоит все дороже. Меркантильная защита от перенаселения. Но в колониях ограничения снимаются, как только ты регистрируешься в качестве жителя другой планеты.

– Лимит можно снять и на Марсе, и на Венере, – безразлично отзывается Тея, – там и развлечений побольше. А у нас что делать?

– Ну как, – хмыкает Мишка, – экзотика. Слышал, даже парень твоей сестрицы собрался. Хороший мальчик.

Тея морщится.

– Что, Лайк тебе не по душе? – угадывает напарник.

– Не хочу сказать о нем ничего дурного, – аккуратно подбирает слова Тея, – но Лешка тот еще пройдоха.

– Так его Алексеем зовут?

– Ну да, а ты не знал?

– Не, я его только как Лайка знаю.

– Его все так знают. Это еще с хакерских времен.

– Легендарный был чувак.

– Брось, Миш, нет ничего легендарного в хакинге. Тем более, в дайв-хакинге. Это жутко.

– Это жутко круто, скажу я тебе. Твоя сестра, вон, до сих пор дайвит.

– Не путай теплое с мягким. Она дайв-программист, это профессия созидателя. А дайв-хакинг – это разрушение.

– Но он же завязал? Слышал, он сейчас персональных помощников разрабатывает.

– Давай не будем о Лешке, ладно? Приедет – сам с ним поговоришь о структуре личности.

Он как раз к запуску Солнета обещался, на неделю раньше остальных.

Зонд тем временем достигает дна. Тея отставляет недопитую кружку чая, со вздохом откладывает вождеденную булочку – самую настоящую, Кристика выбила с последней земной поставки, это вам не напечатанная – и берется за манипулятор.

Мишка сочувственно провожает глазами ее руки, потом отбирает манипулятор:

– Давай сам. Лопай свою булку, а то слюной мне тут все зальешь.

Тея сомневается с секунду, потом отдает управление в его руки, а сама вновь впиивается зубами в шедевр пекарного искусства, с которым уже мысленно успела попрощаться. Счетчик поступления-расхода энергии в углу ее зрения наматывает новые показатели. Тея радуется, что они погружали вручную – она за утро выполнила треть плана по физической активности, меньше потом в зале потеть.

Мишка уверенно ведет дрон по дну расщелины, ловко обходит препятствия и захватывает всю поверхность.

– Вот тут останови, – командует Тея, – ага, теперь приблизь.

Она придиричиво осматривает заинтересовавший ее предмет. Но нет, очередная льдина. По ее просьбе Мишка ведет дрона дальше. Тея без особой надежды следит за экранами. И решает сыграть в любимую игру:

– Ну, по чему ты больше всего скучаешь на Земле?

– По голубому небу.

– Нет, Мишка, это скучно. Давай другое.

– По теплему ветру.

– А я – по легким платьям.

Мишка хмыкает:

– Так носи в жилом модуле, кто тебе не дает.

– Это глупо, Миш, платя на улице хороши. Когда ветер подхватывает подол, треплет волосы, когда парни вслед оборачиваются.

– Тебе и так оборачиваются.

– Ага, «смотри, говорящий кусок мяса»!

Мишка укоризненно глядит на нее, но не спорит. Глупышка, думает он, поперся бы я за тобой на богом забытое море Лигеи, пока все наши исследуют перспективные области моря Кракена, если бы ты была простым куском мяса. Тея, кажется, ждет он него ответа, но так и не дожидается, сама продолжает игру:

– Еще по кино скучаю. Сколько раз ходила с парнями, ни разу не смотрела тот же фильм, что и кавалер. Когда попадется такой, с кем выберем одинаковый, сразу выйду замуж.

Мишка смеется в ответ:

– Я тоже ни разу не совпадал. Но мне и не надо, приятнее самому бродить по истории, чем с дамой, – он немного молчит, потом вспоминает, – я бы еще на патах погонял, устал тут от полетов.

– Тоска по рельсам? – смеется Тея, – Да ты, Миша, большой оригинал!

Тея думает, что выбрать следующим и гадает, что будет интересно обсудить ее напарнику, но тут она видит что-то странное на экране и напрочь забывает про игру.

– Мишка, стой! А ну-ка, сдай немного назад. Теперь левее. Еще немного. Нет-нет, хватит, стой. Фиксируй.

Он деловито следует ее указаниям, хотя сам не видит, что привлекло ее внимание. Не видит до тех пор, пока камера дрона не фиксируется на том месте, которое указала девушка.

Тея жадно впивается глазами в изображение. Мозг ускоряется, начинает лихорадочно отметать варианты. Жаркая волна азарта заставляет сердце биться чаще. Девушка усилием воли заставляет себя не поддаваться преждевременной радости, иначе разочарование будет слишком велико.

– Достаем манипуляторы? – спрашивает Мишка, и Тея слышит в его голосе затаенное волнение. Это хорошо. У напарника холодная голова, и если даже он верит, что они нашли что-то интересное, значит, шанс есть.

– Доставай, – подтверждает Тея, – и начинай потихоньку расчищать.

Послушные «руки» дрона, повинаясь воле Мишки, порхают над объектом, расчищают его от осколков льда и наростов. Напарники не разговаривают, пристально следят за изображением с экранов. У каждого из них в душе бьется надежда. Им мало быть в первой сотне исследователей, они хотят быть первыми. Не ради славы. Ради удовольствия узнать то, что еще никто не знает.

Работа идет медленно. Первая волна азарта медленно стекает, пыл охлаждается. Но трезвый рассудок продолжает анализировать, считывать, прикидывать пропорции.

– Оно квадратное, – заключает Мишка.

– Квадратное, – подтверждает Тея, – думаешь, совпадение?

– Шансы минимальные. Какова вероятность, что обломок или глыба приняли такую форму?

Этот вопрос тоже риторический. Они продолжают расчищать. А когда работа близится к концу, Тея командует:

– Теперь попробуй приподнять. Задавай максимальное усилие, выглядит тяжелым.

Миша все делает, как она сказала. Дрон выдвигает еще два манипулятора, перемещается для более удобного захвата, фиксирует зажимы. Двигатели набирают обороты, дрон дергается вверх и неожиданно на огромной скорости взмывает к поверхности.

– Что за? – вопрошает Мишка.

– Оно легкое, – высказывает предположение Тея, – или легкое, или полое. Подтормаживай, веди к поверхности.

– Туда же, где погружали?

– Нет, там слишком узко, выводи в открытое. Встретим на берегу.

Не стовариваясь, они идут за костюмами. Миша прихватывает с собой пульт управления. Тея втискивается в костюм, силой заставляет себя двигаться медленно, аккуратно. Распаленный азартом разум подгоняет: быстрее, скорей, да пошевеливайся же. Она не слушает, знает, чего может стоить спешка. Предвестие необыкновенного пульсирует по венам. Она бросает взгляд на напарника, следит за его движениями, жестами, мимикой и приходит к выводу, что Мишка тоже возбужден.

На самом деле он взбудоражен даже больше напарницы. Он никогда себе всерьез не признавался в этом, но он ведь и правда поперся на море Лигеи только ради того, чтобы поработать с упрямой девчонкой, которая воевала с Коростылевым, как молодая тигрица, чтобы выбить из него разрешение в одиночку исследовать этот регион. Мишка сам не до конца понимал ее доводы, по всем показателям море Кракена имело куда больше шансов, но он вписался, и его голос стал решающим. Коростылев, главный археолог Титана, махнул на них рукой: езжайте, куда хотите, только оставьте меня в покое и дайте уже работать. И они поехали. Два года каждое буднее утро они грузились во флаер и мчались с экватора на северный полюс, а вечером – обратно. Руководство станции не стало раскошелиться на постройку полноценного модуля, поэтому в 137-ом жить было невозможно, разве что перекантоваться ночь-другую в самом крайнем случае. Вот и мотались они, неприкаянные. Мишка уже давно подумывал о том, как бы сменить на другой проект, да так, чтобы не обидеть Тею. И вот на тебе, первая находка. Неужто мелкая была права?

Мишка старается ни словом, ни делом не выдавать своего волнения. Он неплохо успел изучить напарницу и видит, что та на взводе, хотя тоже пытается это скрыть. Они нарочито медленно выходят из пропускного отсека и передвигают массивные ноги в сторону берега. По пути они не говорят. Миша на ходу подводит дрон с грузом к особо крупной льдине, швартует.

Время тянется ужасно медленно. Нервы накручиваются до предела. На последних метрах напарники уже спешат, на ходу выдвигают манипуляторы костюмов. Им достаточно перегляднуться, чтобы начать действовать. Фиксируют подошвы на льду, подхватывают с двух сторон дрон и начинают подъем. С чавкающим звуком над поверхностью появляется лоснящийся бок разведчика. Они продолжают тянуть. И вот уже он весь красуется в воздухе, тянет за собой из воды находку.

Напарники аккуратно переводят груз на льдину – та пошатывается под весом. Мишка отдает дрону команду отпустить находку. Щелк – размыкается хватка манипуляторов. Ребята, как замороженные, глядят на то, что выловили со дна.

– Оно абсолютно черное, – восхищенно полупшепотом говорит Тея.

– Черное, – эхом подтверждает Мишка.

Это важно. В природе Титана никогда не бывало ничего черного. И именно черный аппарат нашли тогда первые поселенцы. Радостное волнение звенит в воздухе. Они боятся верить.

– Вызываем наших? – голос Теи робкий, будто она боится, что сама выдумала находку, что на самом деле она не стоит и ломанного гроша.

Мишка тоже опасается:

– Может, сначала в модуль? Остынем, разберемся, посмотрим. А вдруг пустышка?

– А как же техника безопасности?

– Если пустышка, никто и не узнает. Брось, сделаем пару тестов, посветим приборами.

Тея сомневается, в ней борется внутренняя потребность строго следовать инструкциям и страх быть опозоренной перед всей научной колонией. Ее и так никто не принимает всерьез, если она притащит в лагерь пустышку, какой-нибудь камень или сгусток затвердевших отходов,

ее поднимут на смех, как пить дать. Она видит эту картину так ясно и отчетливо, что в итоге сдается.

Напарники отгаскивают дрона на твердую почву и временно оставляют там. Возвращаются за находкой, подхватывают метровый квадратный объект – тот поддается легко, видно, в нем и правда немного веса. Идти с грузом неудобно, но предвкушение толкает их вперед, море сейчас по колено. Они проходят пропускной модуль, проходят обработку, и только в жилом отсеке аккуратно грузят находку на пол. Потом избавляются от костюмов.

Здесь, в тишине исследовательского модуля, все видится иначе. Рабочая обстановка придает серьезности, значимости найденному. Мишка идет за приборами, Тея внимательно осматривает «ящик», как она мысленно его называет. После обработки он кажется совсем гладким и чистым. Шанс на природное происхождение теперь становится зыбким, призрачным. Вероятность слишком мала. Идеальная форма, глубокий идеальный цвет. Либо это венец творения планеты, либо следы цивилизации. «Вот будет хохма, если это мусор первых поселенцев» – думает Тея. Мысль ей не нравится.

– Надеюсь, это не барахло ранних миссий, – Мишка подходит и озвучивает ее страхи. Тея тепло улыбается.

– Принес?

– А то. Давай смотреть.

Мишка колдует над объектом. Берет то один прибор, то другой, прикладывает к поверхности, делает соскобы, просвечивает. Тея силится не задавать вопросы под руку, терпеливо ждет, когда напарник закончит. Мишка – бог исследований, он может определить происхождение чего угодно с точностью до минуты. Ей повезло с напарником. И чего только он ушел с ней в добровольное изгнание? Неужели тоже верит в море Лигеи?

Бионические руки останавливают свое порхание над черной поверхностью.

– Объект полый, – осторожно начинает Мишка, – Происхождение не природное. Не буду вываливать на тебя все цифры. Если упрощать, то это металлопластик.

– Какого образца? – упавшим голосом спрашивает Тея.

Мишка, уже не скрываясь, широко улыбается:

– Никакого, Теюшка, ни единого совпадения по базе!

Девушка осмысливает информацию, все еще боясь поверить.

– Получается, материал не наш?

– Нет, ни в колониях, ни на Земле такой не производится.

– Теперь вызываем Центральное?

– Да, думаю, можно, – тут Мишка отвлекается и указывает на ящик. – Гляди!

Тея смотрит туда, куда он указывает. Пару секунд она ничего не видит, но потом ей удается рассмотреть, что в середине верхней «крышки» появляется тонкий, в миллиметр, разрез. Конечно, Мишкино зрение уловило его раньше. Девушка пристально следит.

– Мне кажется, или он увеличивается? – спрашивает напарника.

– Не кажется.

– Оно... открывается?

– Или запускается. Давай, тащим его отсюда!

В голосе Мишки больше нет намека на радость. Теперь он уверен, что находка серьезная, что надо вызывать подмогу из колонии, и что он первый получит по шапке за то, что протащил неизвестно что в жилой отсек. Надо бы выволочить хоть в пропускной.

Когда они вместе с ящиком оказываются вне жилого модуля и опускают перегородки, Мишка выдыхает. Но дело плохо: разрыв увеличивается. Цепкое зрение бионика видит худшее, на что можно рассчитывать: над поверхностью находки поднимается черная взвесь. Какие-то частицы тонкой струйкой взмывают в воздух и расплываются незаметным ленивым облачком. Тея еще ничего не видит. Секунды растягиваются в вечность – время замедляет свой бег. Как

завороженный, Мишка наблюдает, как облачко движется, будто ощупывает окружающий мир, мечется из одной стороны в другую, и вдруг замирает, собирается и резким скачком тянется к Тея.

Нервы сдают, и Мишка делает самое глупое, на что только способен его воспаленный мозг – он пытается закрыть разлом собственной рукой. Медленно, как сквозь толщу воды, Тея оборачивается на это движение, открывает рот, чтобы что-то сказать.

Время вновь ускоряется.

Разлом под пальцами Мишки резко раскрывается, рука ухает в ящик по локоть. Черная взвесь поднимается в воздух, как пыль под дождем, и тут же стекает обратно, обхватывает руку, ползет к локтю. Тея хватается напарника за плечи, чтобы отдернуть его в сторону. Рука поднимается, но створки «ящика» тут же захлопываются.

Мишка кричит нечеловеческим голосом – острые края режут руку на живую.

– Дурак, – орет Тея, – отключай рецепторы!

– Не могу! – еле выговаривает Мишка и продолжает орать. Ему всегда казалось, что он сможет перенести любую боль, как мужчина, но нет, невозможно заткнуться – крик идет из горла сам по себе. Он еще несколько раз пытается отключить чувствительность рецепторов тела, но функция отказывается срабатывать. Ничего не остается, только терпеть.

Черная вязкая дрянь поднимается по руке, взвивается в воздух, забивается в дыхательные отверстия. Тея то ли не видит этого, то ли не хочет замечать.

Ее мысли лихорадочно мечутся. Надо освободить Мишку и срочно валить отсюда. Есть портативный ЭР-мост, Коростылев говорил, что это на крайний случай. А разве сейчас не такой?

Она знает, что делать.

Мишка всегда над ней посмеивался, что она таскает на себе пояс с археологическими допотопными инструментами, который достался ей от отца. А вот гляди же, пригодился. Рука сама тянется к поясу, ловкие пальцы находят мини-пилу. «Щелк» – говорит кнопка, и пространство модуля заполняется звуком работающей пилы. Глаза Мишки в ужасе расширяются, он смотрит на напарницу, на свою руку. И кивает. Потому что выхода нет. Тея у него на глазах дышит черной дрянью. Пусть хоть все конечности ему отпилит, лишь бы унести отсюда ноги.

Хочется зажмуриться, отвести взгляд, но Тея должна все сделать четко. Она подносит пилу к застрявшей руке. Мишка орет. Эти несколько секунд – самые длинные в жизни Теи. Отпиленная рука с глухим стуком падает в ящик, поднимая напоследок черную взвесь. Створки закрываются. Пила летит на пол.

Тея подхватывает напарника, тащит его к выходу, жмет кнопку. Переборки открываются мучительно долго, но закрываются за одно мгновение. Ящик оказывается закрыт в пропускном модуле. Тея хватается со стены портативный ЭР-мост, запускает, бросает на пол. Тянет за собой в сияющий портал Мишку, который заливают все вокруг кровью.

Когда они исчезают, мост с потрескиванием закрывается. Остается сто тридцать седьмой модуль исследовательской станции «Кассини». И закрытый в нем ящик с черной взвесью.

2.

*11 декабря 2112 года
Земля, Москва
10 дней до запуска Солнета*

Лайк просыпается от звонка и недовольно морщится – можно было поспать еще полчаса. Придется прикорнуть днем, чтобы добрать минималку по сну. Стройный план дня смещается, мозг обрабатывает информацию, перед глазами мелькает смещение расписания. Звонок продолжает настойчиво звучать, раскатываясь по сонному разуму.

– Алло, – сдается Лайк и принимает голосовой вызов, даже не удосужившись глянуть, кто звонит.

– Леха, здорово! – приветствие до тошноты бодрое для шести утра.

– Симка, ты?

– Алексей, – строго поправляет друг, – ну что нам, по пять лет? Давай уже забудем детские клички.

– Как скажете, Максим Александрович.

Макс смеется:

– Ну ты уж совсем не перегибай. Я, собственно, чего звоню...

– Надеюсь, – перебивает его Лайк, – причина у тебя серьезная. Ты разбудил меня на тридцать две минуты раньше будильника.

– Переживешь, – отмахивается Макс, – моя инфа важнее. Вылет переносится.

Лайк ругается сквозь зубы.

– Когда летим?

– Завтра утром.

– Макс, это уже второй перенос. Мы вообще успеем?

– Успеем. Говорят, это последняя догрузка.

– В прошлый раз так же говорили. Что хоть догружают?

– Да шут их знает.

– Клеймо на контейнерах какое? Или еще не подвезли?

– Подвезли, грузим уже, – вздыхает Макс, – сейчас клеймо гляну.

Раздается шорох, звук натужного усилия. Наверное, друг переворачивает ящик, чтобы найти обозначения на дне. И чего он хотя бы с видео не звонит, раз уж погружения не любит? Лайк бы сейчас все сам увидел, а так сидит, гадает.

– Нашел. Я.Здоровье.

– Медикаменты, – задумчиво говорит Лайк, – странно. Не знаешь, что-то случилось?

– Лех, мое дело – грузить, а не вопросы задавать. А тебя любопытство до добра не доведет.

– Я хочу знать, куда лечу, и что там за обстановка.

– Так смотри погружения с колонии.

– Я и смотрю. Но ты ж сам понимаешь, там сейчас лайферов перед трансляцией натаскивают, настоящего материала не найдешь.

– Ты параноик, Леха. Все там на Титане ровно, я туда часто мотаюсь.

– Ладно, я понял. Во сколько завтра вылет?

– В то же время. Постараемся в пути ускориться. Повезет – за неделю тебя домчим, на мост сейчас очереди нет.

Лайк ворчит, но соглашается. Прощается с другом и откидывается обратно в кровати. Вызывает перед глазами главное меню и снова перекраивает расписание. Раз вылет переносится.

сится, можно еще успеть поработать. Перспектива на неделю полета остаться почти без Сети заставляет его нервничать и ускориться.

Он вылезает из кровати, умывается и погружается в тренировочный режим Сети. Режим оформлен под старый боксерский ринг – недавно в кино вышла адаптация погружения во вселенную Рокки, и Лайк первым делом после просмотра переделал свою тренировочную комнату в Сети. Несколько секунд он перелистывает подборки и выбирает боевую тренировку – то, что нужно, чтобы сбросить раздражение и забыться. Глушит шумы дома, который уже принялся за утреннюю уборку, включает любимую подборку музыки и запускает режим. Тело привычно отзывается, мышцы сокращаются, Лайк концентрируется на бое. Увы, навязчивые мысли продолжают просачиваться сквозь боевую нирвану.

Опять перенос вылета. Будто испытывают его решимость, с которой и без того проблемы. Лайк всю жизнь прожил на Земле, устоял перед искушением перебраться на Марс или Венеру, и вот теперь сам тащится в самую даль, в молодую колонию без элементарных удобств, в общество фанатичных исследователей, которым не сидится на Земле. Но Крис права, это единственный вариант. Здесь, на Земле, прошлое всегда догоняет. Слишком плотно он запутался, слишком много завел знакомств, слишком глубоко увяз в теме. Даже сейчас, спустя десять лет, ему все еще поступают предложения. Лучше уж забраться подальше да нырнуть в разработку персональных помощников с головой. Магия создания личности ничуть не хуже, чем азарт взлома.

Бар физической активности постепенно заполняется, тело уже разогрелось и выдает свой максимум. Мысли замедляются, разум прочищается. Ради этого эффекта Лайк не раз выполнял тройную, а то и пятерную норму нагрузок. И его бионик был крепче многих. Настоящая пища и грамотная программа тренировок – и можно раскачать что угодно, даже искусственное тело.

После душа и завтрака Лайк вновь погружается в Сеть. Он всегда программирует по методу дайва: не вызывает экран перед собой, а сам уходит в море информации. Это экономит время на активные жесты и команды. В дайве ты сам управляешь контентом, можешь обрабатывать в десятки больше информации, подавать команды программе малейшими импульсами. Даже мысленно их проговаривать не надо.

Сегодня у него интересный заказ. Клиент попросил воссоздать старинную личность Стива Джобса в качестве персонального помощника. Лайк представил, как это будет выглядеть: просыпается такой клиент утром и говорит: «Стив, душка, а проверь мое расписание да сделай мне кружечку кофе». И знаменитый основатель яблочной корпорации будет исполнять рутинные задачи богатого, но от этого не менее никчемного человека. Вот что Лайка иногда коробило в его работе. Раньше он отказывался от заказов, которые считал неэтичными, но сейчас надо было подкопить денег, так что он брался за все подряд. Среди элитных заказчиков пошла мода на деятелей прошлого, а то и позапрошлого века. Только за последний месяц он по обрывкам данных восстанавливал Мэрилин Монро, Джорджа Буша, Ника Вудмана, Илона Маска и даже Стивена Кинга. Вот уж последнего он бы точно не пожелал в помощники. Впрочем, Лайк вообще обходился без помощи, своим жизненным процессом, всеми сетевыми функциями и телом он управлял сам. Ему не требовалась «секретарша», чтобы справиться со своей жизнью, да и интерфейс бионика с вшитым айлайфом не казался сложным.

На его счастье, остальным казался, так что без работы Лайку остаться не грозило. Надо только дожидаться включения Солнета – и тогда он сможет спокойно работать с Титана. Будет жить с Кристиной тихой жизнью, вдали от цивилизации, от шума. Она продолжит программировать умные дома в колонии, он – делать помощников, восстанавливать личности для музеев. Может, заведет себе робота с исторической личностью, чтобы не скучно было. Маяковского, например. Отлично же будет смотреться в титанской колонии «певец кипяченой и ярый враг воды сырой». И пусть несет армию своих стихов да распугивает нежных барышень.

Под эти мысли Лайк заканчивает первый – и самый долгий – этап подготовки личности, над которым он возится уже неделю. Сбор обрывков информации. Джобс жил на заре развития Сети, данных о нем осталось немало, но среди них слишком много противоречивых и обрывочных, пришлось повозиться. Обычно Лайк заканчивает быстрее. Но для него не бывает невыполнимых задач. Сбор завершен, так что можно выходить из глубокого слоя Сети. Среда вокруг Лайка перестраивается. Изнанка сетевого пространства меняется на персональную заставку, которую парень использует для сортировки информации. В последние месяцы это приятный лесной пейзаж: поляна, согретая мягким утренним солнцем, щебетание птиц, полное уединение. Лайк садится за свой стол в центре и начинает визуализировать вокруг себя папки: личные тексты, чужие упоминания, интервью, любимая музыка, фильмы, папки на возлюбленных, на жену и детей, проекты, открытия, прорывы. Дайвер сортирует файлы, которые он добыл за предыдущую неделю, раскидывая их по папкам. Данных много, так что он ускоряется, выскакивая за пределы человеческой скорости. На фоне играет приятная музыка, что-то из прошлого века.

Хочется поскорее закончить сортировку и перейти уже к непосредственному конструированию личности. Это любимая часть работы, именно в ней кроется азарт. Ты собираешь человека, как пазл, из осколков слов, воспоминаний, пристрастий. Иногда не хватает каких-то деталей, и мозайка никак не собирается, личный помощник выходит картонный, неправдоподобный. Приходится запускать дополнительный поиск. Но какой же это драйв, когда удастся сложить картинку и поговорить с тем, кто получился, чувствуя в нем самостоятельную жизнь. Но это не сегодня, сортировка слишком объемная. Стив – культовая личность, и Лайку приходится обрабатывать несколько миллиардов уникальных упоминаний. Он прикидывает, что на финальный отбор материала уйдет не меньше двух дней. Что же, будет чем занять себя на борту.

– Не думал ты, приятель, что второй раз родишься на борту корабля Земля-Титан, – обращается он к еще не существующему Джобсу.

Лайк возвращается к работе, но тут в заставку врывается уведомление о новом вызове от Кристины. Черт, он забыл ее предупредить, что вылет переносится! Наверное, Крис думает, что он уже трясется на борту грузового корабля и с каждой секундой сокращает полтора миллиарда километров между ними. Он закрывает ту папку, что сортировал, и выныривает из Сети, чтобы ответить. За долю секунды его пронзает дурное предчувствие. Обычно Крис записывает сообщения. За все годы на Титане она звонила всего несколько раз, и каждый из них с боем выбивала у Центрального Управления «Кассини» – прямая связь была только у них, да и та не баловала стабильностью.

Вынырнув, Лайк принимает видеосвязь. Перед ним появляется качественная иллюзия Кристины, и на мгновение дыхание перехватывает – с этими расстояниями он почти забыл, какая она красивая: высокая, фигуристая, зеленоглазая. И это волнистое облако густых каштановых волос, которые, как он помнил, всегда пахли яблоками и корицей. Только сейчас ее идеальное лицо, которое перекочевало в бионика почти без изменений, омрачено следами слез. Глаза припухшие, красные, под ними пролегли глубокие тени.

– Лешка, – срывающимся голосом начинает она, – ты уже улетел?

– Нет. Не успел тебя предупредить, вылет перенесли на завтра.

– Слава богу!

Лайк приходит в замешательство, пытается отшутиться:

– Не рада моему приезду?

Его шпилька проходит мимо цели – Кристина не настроена подшучивать.

– Леш, у нас беда.

И замолкает. Ну что за женщина? Умеет же все жилы вытянуть.

– Что случилось? – спрашивает он, едва сдерживая раздражение.

– Это Тея...

И опять молчит. Да что с ней делать? Лайк жестами ее поторапливает.

– Она больна, Лайк.

Вот это поворот. Чем можно заболеть в стерильной среде станции?

– Крис, я тебя не понимаю. У вас там за последние пять лет даже простуды ни разу не было. Все лучшие вакцины к вам уходят, как там можно заразиться?

– Я не могу объяснить всего. Не потому что не хочу, просто я сама не знаю. Все, что мне удалось нарыть – они с напарником что-то нашли на берегу Лигеи. Что-то опасное. Они оба в карантине. Напарник отключен, ждет нового бионика.

Надо же, упертая девчонка была права со своим морем! Но спрашивает он другое:

– В каком она состоянии? Жить будет?

– Состояние средней тяжести, стабильное. Но ее не выпустят из карантина без бионического тела.

– И что, надо везти бионика? Или на месте можно купить?

– До следующей поставки все расписаны. Да ты и сам знаешь, первый раз лучше загружаться в качественного и подогнанного под предыдущее тело.

– Сколько нужно денег?

Кристина краснеет, мнется. Столько лет вместе, а она до сих пор не научилась принимать от него помощь.

– Можно на первое время и обычным обойтись, он в пять миллионов встанет. Лучше бы, конечно, сразу исследовательскую модель, но это раза в два дороже. – тут она не сдерживается и всхлипывает, – Лешка, я не знаю, что делать, у меня на счету даже миллион не набирается, я не думала, что ей так скоро понадобится бионик.

– Так, Крис, не паникуй. У меня около трех есть, остальную сумму найду. Но, как ты понимаешь, с приездом придется немного повременить. Я постараюсь успеть за неделю-другую, хорошо?

– Неделю-другую? – округляет глаза. – Ты собрался продаться в рабство?

– У меня есть корпоративный заказчик, мы обсуждали создание пятидесяти помощников. Это большие деньги. Если повезет – даже на исследовательский наскребу. Надо только его растормошить.

Лицо возлюбленной озаряется. В ее глазах читается такая глубокая признательность, что Лайк даже не испытывает раздражения от второго переноса вылета за день. Он еще раз говорит Кристине, чтобы она не переживала, и прощается – продолжительность связи из Центрального строго ограничена.

Не теряя времени, Лайк сразу отправляет сообщение заказчику: «Александр Сергеевич, это Алексей Шустов. Необходимо с вами побеседовать, дайте знать, когда вам будет удобно связаться». Он бы сразу позвонил, но знакомство у них шапочное, так что приходится соблюдать приличия и ждать.

А ждать он ненавидит.

Работать в таком состоянии невозможно, так что Лайк мечется по своей свежевылизанной квартире и думает, что мысленно прощался с ней уже несколько раз, а она все не отпускает и не отпускает. Он любит это маленькое местечко на сто третьем этаже, вид отсюда – закачаешься, вся Москва как на ладони. Город он тоже любит, и не манили его раньше ни подводные поселения, что славились своей красотой, ни дрейфующие города в океане, ни искусственные спутники, ни даже летающие дома, которые в последнее время пользуются страшной популярностью. А Титан сманил.

К счастью, Александр Сергеевич отзывается оперативно, и уже через полчаса подтверждает связь. Лайк сразу ему звонит, тот принимает визуальный вызов.

Перед Лайком появляется высокий крепкий бионик в сдержанной одежде нейтральных природных тонов – они опять входят в моду. Александр широко улыбается. И как этому человеку удастся всегда быть таким счастливым?

– Приветствую, Алексей! Чем могу?

– Александр Сергеевич, я по поводу нашего последнего разговора. Мы с вами обсуждали крупный заказ на пятьдесят помощников.

– Помню, как же. Только вот что, Алексей, давайте вернемся к этому вопросу после запуска Солнета? Суета сейчас страшная, никак не успеваю. Весь мир с ума посходил, у нас заказы выросли в десять раз, еле успеваем производственные мощности докручивать.

Ну конечно, все хотят разжиться новенькими костюмами для выхода на поверхность. Как только запустят Солнет, все колонии войдут в единую Сеть – последнее, что удерживает человечество на Земле. Люди готовы впахивать до седьмого пота, зарабатывая на очередной год контракта с Я.Корпорацией на продление подписки биоников, лишь бы не выпасть из сетевой жизни, которая дарит бесконечное могущество. Но теперь все изменится. Как только Сеть станет доступна из колоний, туда хлынет поток переселенцев и туристов. Все заселенные планеты готовились к этому дню последние три десятилетия. И производители на Земле – тоже. Александр Сергеевич рулил своим производством не один десяток лет, заранее закладывал гигантские цифры на производство костюмов перед запуском, и все равно прогадал, спрос оказался выше, чем он рассчитывал.

Потому то Лайк и хотел слинять пораньше, успеть до этой лавины, которая польется на колонии. Теперь одна надежда на то, что до далекого и полудикого Титана будет не так много охотников, как до цивилизованных колоний.

– Александр Сергеевич, у меня тут уникальная ситуация. Я могу сделать вам полсотни помощников не только со скидкой, но и уложиться с ними в семь-десять дней.

– Семьдесят?

– Нет. Семь. Тире. Десять.

Затяжное молчание.

– Заманчиво, Алексей, очень заманчиво. Но, увы, я не лукавил. Времени не хватает катастрофически. А заказ на помощников я хотел бы проконтролировать лично. Сделать все с чувством, с толком, с расстановкой. Давайте через месяцок после запуска? Или еще лучше – через два. А сейчас прошу прощения, у меня срочная встреча. Буду ждать вашего звонка в феврале.

Изображение Александра мигает и растворяется в воздухе. Даже не дал поспорить, переубедить! Твою ж сингулярность.

Лайк вновь мечется по комнате. Останавливается, открывает очередь заказов, прикидывает, где взять столько денег. Никак не получается. Единственный крупняк – Александр, который только что его слил.

Мозг переходит на усиленный режим работы. Ищет варианты. И есть только один верный.

– Нет, – вслух говорит Лайк, – нет, только не это. Неужели никак иначе?

Послушный бионический мозг продолжает высчитывать, строить графики, прикидывать расписание на максимальной производительности. Нет, в ближайший месяц таких денег никак не получить. Он не наскребет даже пять миллионов уни, не говоря уже о десяти на исследовательскую модель.

Придется использовать этот шанс. Но он же зарекался. С другой стороны, на кону здоровье, свобода, а, может, и даже жизнь Теи. Он недолюбливал эту упертую и чересчур проницательную девчонку, но привык к ней, как к родной сестре. Да и ради Кристины...

Лайк вызывает из памяти номер, запрашивает голосовую связь. На том конце отвечают почти мгновенно.

– Хай, Лайк! Не ожидал. Какими судьбами?

Парню не до светских бесед.

- Твое предложение еще в силе? Нужны люди?
- Ты всегда нужен, сам знаешь.
- Что по оплате?
- Как и говорил, пятьдесят лет подписки.
- Деньгами нельзя?
- Нет. Можно только продуктами корпорации.
- Биоником можно?
- Ты на эту сумму пучок биоников можешь взять.
- Мне нужен женский, по заданным параметрам. Исследовательская модель.
- Окей. И двадцатка на твоего бионика сверху. Годится?
- Годится. Обсудим детали?
- При личной встрече.

Лайк понимающе кивает. Личные встречи сегодня безопаснее. Особенно если знать, как заглушить камеры. Зет знает, можно не сомневаться, в этом он мастер. Даже не глушит – дурит, пускает другой сценарий прямо на камеру.

– Где встречаемся?

– В Андере. Завтра в полдень. Помнишь большой айстор? За ним есть дворик для шахмат.

– Для шахмат? – иронично переспрашивает Лайк.

– Именно. Сыграем партейку. Жду тебя.

И отключается.

Лайк в упор не помнит никакой айстор, и уж тем более – дворик за ним. Он лишь однажды был в Андере, из элементарного интереса хотел взглянуть на первый подводный мегаполис. Он был там лет двадцать назад, наверняка все сильно переменилось. Придется глянуть карты. Первым делом Лайк вызывает перед собой виртуальную карту города. Да, разросся нехило, небоскреб на небоскребе и небоскребом погоняет. Оценив общий план и прикинув расположение главных улиц, Лешка ныряет в Сеть.

Через полчаса он знает все о современном Андере. По крайней мере, все, что может ему пригодиться. Теперь надо сходить поесть и готовиться к предстоящей встрече. Лайк запрашивает данные бионика: сколько времени понадобится на подгрузку стандартной внешности? Вердикт – десять часов, надо ставить перестройку на сон.

К концу дня он завершает все положенные задачи – каждый пункт в списке дел вычеркнут, и это дарит глубокое удовлетворение. Лайк укладывается в кровать, анализирует состояние тела и устанавливает время сна. Раз днем прикорнуть не удалось, придется поспать подольше. Теперь нужно выбрать внешность из стандартного набора. Он перелистывает варианты, и все кажутся ему слишком банальными. Впрочем, в этом как раз и суть, да? В итоге он останавливается на самом нетипичном для себя выборе: шатен среднего роста и неопределенной национальности. Система спрашивает, хочет ли он зарегистрировать новую внешность под своим именем.

– Нет, запрашиваю тестовый период.

«У вас есть двадцать четыре часа для регистрации, в противном случае бионическое тело вернется в исходную зарегистрированную форму».

Пойдет, думает Лайк и мягко погружается в сон.

3.

*12 декабря 2112 года
Земля, Москва – Ла Рошель – Андер
9 дней до запуска Солнета*

Он просыпается в новом теле, осматривает в зеркале результат кропотливого труда наноботов, которые всю ночь перестраивали внешность его бионика. Парень в отражении – никакой. Не запоминающийся, не интересный. Неприметный. То, что доктор прописал.

Тестовый период тела развязывает ему руки: нормы по физической активности, принятию жидкостей, потреблению-расходу калорий и солнечному свету сняты. Тем лучше, можно ни на что не отвлекаться.

Он закидывает одежду в перерабатывающий блок принтера. Пока тот преобразует ткань в биомассу, Лайк вводит новые параметры в программу и выбирает неприметный комплект стандартной одежды: белую футболку, синие джинсы, белые кроссовки. Так до сих пор одевается каждый второй, а белый цвет символизирует в последние недели приближение праздника. Чем меньше дней остается до запуска Солнета, тем больше людей в белом на улицах. Двадцать первого числа в нем будут все. Спасибо фантастам прошлых эпох, этот цвет стал прочно ассоциироваться у человечества с будущим. Что они хотели этим сказать? Победа технологий над грязью? Каждому по стиральной машине? Мы изобрели ткань, которая не пачкается? Про чистоту сердец и умов он даже не думает – это слишком пошло. Как бы там ни было, а белый – цвет будущего. И вот теперь то будущее, к которому они так долго шли, станет настоящим.

Взгляд падает на окно. На панорамном стекле высвечиваются цифры температуры. Лайк матерится сквозь зубы и ставит в очередь печати еще и толстовку. Пятнадцать градусов для декабря – слишком прохладно. Принтер тихонечко жужжит и один за другим закидывает в отсек выдачи готовые изделия. Примерка показывает, что все прошло, как надо. Впрочем, что могло пойти не так? Но Лайк всегда проверяет результаты работы машин. Им веры нет – кризисы прошлых лет еще слишком свежи в его памяти. Это сегодня перед тобой безобидный принтер, а завтра он уже запикивает тебя в перерабатывающий блок, потому что ты – бракованная модель человека. Да, с момента последнего нападения машины на биологическую особь прошло уже тридцать лет, но кто гарантирует, что счетчик не обнулится прямо сейчас?

С этими мрачными мыслями он выходит на балкон, прикладывает руку к панели управления и командует «Вверх». Авторизация пройдена, балкон отъезжает вбок, влекомый магнитным полем, и по трассе взмывает к крыше. Лайк выходит, радуясь про себя утренней безлюдности, и провожает взглядом свой балкон, который уже скользит, возвращается на место. Людей нет, так что парень вальяжно прогуливается до своей остановки, на ходу вызывая ПАТ – персональный автоматический транспорт, в простонародье – «патик».

Когда он подходит к месту, преданная кабинка уже покачивается на рельсах, ожидая, когда Лайк соизволит войти и назвать место назначения.

- Франция, Ла Рошель.
- Аэропорт, аквапорт, космопорт? – уточняет ласковый женский голос.
- Аквапорт.
- Допустимое количество переходов по мостам Эйнштейна-Розена?
- Не больше трех, пожалуйста.
- Расчетное время прибытия – тридцать две минуты. Начинаем поездку?
- Да.
- Приятного пути! Не забудьте пристегнуть ремни.

Ох уж эта напускная вежливость! Как будто ПАТ сдвинется с места с непристегнутым пассажиром. Лайк терпеливо ждет, пока через его тело перекинутся ремни. Последний щелк – и патик несется вперед, выписывает крутые виражи над городом. На окраине Москвы они первый раз ныряют в ЭР-мост. Выныривают уже над совсем другим пейзажем. Города проносятся мимо, мелькают с такой скоростью, что Лайк не успевает присмотреться. Да он и не всматривается, глубоко погруженный в собственные мысли и переживания. Выживет ли Тея? Удастся ли получить бионика? Сможет ли он снова работать на Зета и не проломить тому череп?

От размышлений его отвлекает голос оператора:

– Вам не скучно, Алексей? Включить вам новости, фильм, свежий режим дополненного путешествия?

Мир не терпит праздности. «Вот дотошная баба» – думает Лайк, но вслух произносит:

– Нет, спасибо, я почитаю.

И, действительно, визуализирует книгу, будто чувствует стыд за безделье перед пучком нейронов. Он загружает в иллюзию последний том историка Бражника под громким названием «Чума XXI века» – и в очередной раз глаз радуется, как удалось допилить возможности дополненной реальности в его айлайфе. В стандартных настройках реалистичность предметов не может превышать порога в 85% для индивидуальных иллюзий и 73% для общедоступных. Такие иллюзии получаются идеально гладкие, почти невесомые, чуть-чуть прозрачные и со слабым свечением. Чтобы не путать, не сводить с ума, как это бывало на заре дополненной реальности.

Его книга ощущается как самая настоящая: тяжелая, с шершавыми страницами, даже пахнет как те, что он в детстве трогал в «сокровищнице» деда. Не зря он столько времени между заказами убил на то, чтобы прописать все тонкости в программу. Было бы сложнее, если бы он все еще ходил в настоящем теле, а вот бионическое послушно считывало иллюзорную информацию и передавало на рецепторы вполне реальные ощущения.

Лайк с удовольствием погружается в чтение, перелистывая бумажные страницы. В юности он достаточно набаловался с допреальностью: читал и с допотопных мобильных устройств, и со свитков, и со скрижалей, даже с примитивных глиняных табличек, которые он намеренно делал общедоступными, чтобы шокировать окружающих, но ничто так не очаровывало его, как бумага. Веселое было время, да. Время. Чтение – один из самых приятных способов его игнорировать.

Вот и сейчас он не замечает, как проскальзывают мимо минуты. Возвращается в реальность только тогда, когда оператор радостно возвещает:

– Мы прибыли на место! Надеюсь, вам понравилась поездка.

«Ты еще отзыв попроси, как пещерная программа» – мысль больше из вредности, Лайк знает, что машина уже и без того списала показатели его физической и психо-активности, чтобы узнать, понравилось ли ему путешествие. Ну ничего, подпортит мальца ей статистику.

Лайк выскакивает из кабинки пата прямо в портовую суету. Снуют прохожие, туристы глазят на огромные переливающиеся купола аквапорта, дети галдят и показывают пальцем в небо, вскрикивая, когда над ними проплывают иллюзорные киты, огромные осьминоги и гигантские кальмары. В воздухе уже чувствуется радостное возбуждение, которое будет нарастать день ото дня, набухать, напитываться, пока не взорвется ликованием в день Солнета.

– О как расстарались! – слышится рядом мужской голос, и Лайк с удивлением понимает, что обращаются к нему, – Никогда тут такого шоу не видал.

– Да, очень красиво, – неловко отвечает Лешка и подозрительно косится на невысокого крепкого мужика. Тот с чувством кивает и растворяется в толпе.

«Не припомню, когда со мной последний раз прохожий заговаривал» – думает Лайк, находит глазами купол с названием «Аквапорт Андера» и чуть ли не бегом направляется к нему, чтобы своим праздным шатанием не привлечь новых собеседников.

На входе в аквапорт выходит небольшая заминка. Дубина, он и забыл, что сменил внешность, система отказывается считывать безымянную ладонь. Приходится визуально подключаться к платежке и переводить сумму. Только после этого дверь услужливо отползает в сторону и пропускает его к лифтам на погружение. В холле уже есть несколько путешественников, и Лайк останавливается у информационного центра, чтобы дождаться свободного лифта. Через десяток-другой секунд он отправляется к прозрачной кабинке. Та медленно трогается, давая возможность насладиться подводными красотами.

Лифт привозит его в огромный круглый зал, стены которого пестрят проемами для загрузки капсул. Лайк приближается к ближайшему, вызывает капсулу. Та выскакивает из стены, верхняя прозрачная стенка плавно съезжает в сторону. Путешественник укладывается, устраивается поудобнее, ждет, пока лежанка подстроится под его тело и накинёт ремни. Крышка бесшумно встает на место. Лайк задерживает дыхание. Капсула выстреливает, набирает скорость в узком тоннеле. И чего ради было делать крышку прозрачной, если над головой все равно неразборчивая черно-синяя муть воды? Последняя ленивая мысль плавно переходит в дремоту, навеянную капсулой. И правда, кому нужны паникующие клаустрофобы на дне морском?

Лайк просыпается от резкого толчка и ворчит:

– Кто вас тормозить учил, дети Слейпнира?

С закрытыми глазами он ждет, когда капсула откроется, но ничего не происходит. Тогда Лешка сам открывает глаза и оглядывается. Капсула стоит. Над головой простирается все та же бездонная черно-синяя муть. И все. Ни движения, ни голоса оператора. Тишина. Нехорошая, гробовая. В капсулу даже не удосужились добавить модуль с шумами работающей машины, который обыкновенно ставят для психологического комфорта пользователя во все оборудование. Теперь ясно, зачем. Бесшумность сводит с ума.

– Оператор, – вызывает Лайк.

Машина молчит.

– Экстренный вызов, – пробует он другую команду.

Молчание.

Так, ладно. Прикинем время вызова спасателей. Лайк поверхностно погружается в Сеть в режиме поиска, анализирует информацию. Расчетное время освобождения – шестьдесят четыре минуты. Вы издеваетесь? Он из Москвы в Ла Рошель добрался в два раза быстрее. Проверяет время. До встречи с Зетом остается меньше получаса. Капсула должна была прибыть на место через десять минут. Мысли мечутся, как стая летучих мышей под светом прожектора. Зет не будет ждать. Даже десять минут не будет, для него опоздания – маркер незаинтересованности. Пунктик на пунктуальность.

– Ваш уровень стресса превышает допустимые значения на десять процентов. Включить вам расслабляющую музыку? – вдруг произносит оператор капсулы.

Чертова жестянка! Так ты работаешь!

– Почему мы стоим? – спрашивает он в ответ.

– Ваш уровень стресса превышает допустимые значения на тринадцать процентов. Включить вам расслабляющую музыку?

– Оператор! Экстренный режим! Почему стоим?

– ... на двадцать процентов...

– Да что б тебя! Переходи в аварийный режим!

– ... на двадцать четыре процента. Включить вам расслабляющую музыку?

– Дура! – орет Лайк, – Включи свой расслабляющий мозг и сдвинься уже с места!

– ... на тридцать процентов. Включить вам...?

Лайк выдыхает. Попробуем с другой стороны.

– Да, включи, пожалуйста.

– ... на двадцать шесть процентов. Включить...?

Пассажир осыпает оператора такой нецензурной бранью, что, будь у капсулы уши, они бы отвалились от стыда. Лайка преследует ощущение, что в капсуле становится меньше кислорода. И толща воды над ним начинает давить, прижимать, расплющивать пристегнутое ремнями тело. Подавив панику нечеловеческим усилием воли, Лешка зло бросает:

– Так и знай, ты сама напросилась.

Он уходит в дайв. Материя вокруг меняется. На внутренней поверхности капсулы появляются знаки и панели, которые раньше не были видны глазу. Руки в дайве привычно ощупывают оболочку, находят выдвижную панель. Лайк визуализирует чистый код, он любит работать по старинке. Под крышкой капсулы ползут строчки кода. Он пролистывает их, впивается взглядом. Вот оно! Этот кусок можно использовать.

По большому счету, уязвимость можно найти везде. Когда у вас на одну задачу есть несколько решений, вы всегда рискуете, выбирая одно из них, потому что его можно переписать в другом ключе. Никогда, никогда так не делайте, если речь заходит о правах доступа к технике. Лучшая защита – простые, единственные решения. Да, они не такие изящные, зато надежные. Кто может хакнуть каменный топор? То-то и оно. Но до тех пор, пока программисты любят выделяться, нагромождая изящно-сложные строчки кода, хакеры без куска хлеба не останутся.

Он перехватывает управление за три минуты. И материт уже сам себя: потерял хватку, это слишком долго. Пока Лайк гонит капсулу к Андеру, по его разуму расплзается липкий страх. Как он собрался браться за большую работу, если на какую-то хлипкую капсулу у него ушло три минуты?

Торможение выходит отвратительно резким. Хорошо, что он лег ногами вперед, башкой бы сейчас точно стенку пробил. Последнее, что он делает в дайве – отдает команду убрать крышку и отстегнуть ремни. И только после того, как приказ выполняется, он выныривает из дайва и поднимается на ноги.

– Надеюсь, вам понравилась поездка, – звучит ему в след ласковый голос оператора.

– Ага, я в полном восторге, – отвечает ей Лайк и спешит к лифтам. Время поджимает. Ему нужно добраться до места за десять минут.

Он выскакивает из аквапорта Андера и бросается к остановке патов. Вызывает кабинку, чуть ли не на ходу в нее запрыгивает и называет пункт назначения. Пейзаж вот-вот сольется в неразборчивую муть, и Лайк жалеет, что у него нет времени прокатиться на сниженной скорости и хорошенько рассмотреть город. Одно дело – прогулка в Сети, и другое – реальный мир. Но, пока пат набирает скорость, Лайк успевает охватить жадным взглядом гигантский прозрачный купол, который освещает глубины залива Мэн и создает эффект аквариума, небоскребы, устремляющиеся ввысь, стрелы улиц. И зелень, огромное, невероятное количество размашистых зеленых растений – живых поставщиков кислорода. Пат несется будто сквозь джунгли.

Оказавшись на воздухе, парень сбрасывает толстовку. Здесь она ни к чему, в Андере температура колеблется в пределах двадцати пяти – тридцати градусов. На входе во дворик Лайк сбавляет шаг, чтобы не выдать спешку. На ходу вызывает Зета:

– Ты на месте?

– И тебе привет. Да, на месте. Смотри, руку поднял.

Лайк цепким взглядом окидывает дворик и замечает, как парень за одним из столов вскидывает руку. Он разъединяется и идет к столу. Шаг за шагом отстраивает тело, скрывает один за одним все признаки стресса. Бионик послушно выравнивает температуру, дыхание, частоту

сердечных сокращений, работу желез. Глаза в это время пробегают по дворику, фиксируют камеры, всматриваются в лица. Здесь собралась в основном молодежь – или те, кто выглядит, как молодежь – все в белом. Болтают, немного скованно смеются, переставляют по столу свещающиеся вирту-шахматные фигуры. Со стороны кажется, что люди отвыкли от живого общения. Или не кажется? Размышления успокаивают.

К столу он подходит в абсолютной безмятежности, усаживается напротив Зета. Тот сегодня выбрал такую же, как и всегда, неприметную внешность, в этот раз – русоволосого парня средних лет. Лайк понятия не имеет, как выглядит настоящий заказчик, да это и не важно: тот меняет оболочки, как перчатки, перескакивает из одного бионического тела в другое, когда на первом заканчивается лимит преобразований. Может себе позволить. У Зета всегда самые жирные заказы, у него обширная база клиентов, которые умудряются найти его через сложную сеть контактов в любом воплощении. А еще этот парень – единственный, кому удастся водить за нос крупнейшие корпорации. И Я.Корпорация, и iCorp прекрасно знают о его существовании – чай, не дураки – и в курсе большинства его афер, но ни прямых, ни косвенных доказательств не имеют. Они не единожды пытались просунуть к нему подсадных уток, но все безуспешно – у Зета чутье на предательство, как у дикого зверя. Он работает только с проверенными людьми, исключительно с теми, с кем много лет ходил на дело. Поэтому он сейчас и заинтересован в Лайке – старая гвардия не подводит.

– Сто лет не виделись, дружище, – приветствует Зет и неуловимым движением кладет на стол маленький плоский диск, который тут же сливается с поверхностью. Глушилка. Теперь на камеры пойдет запись, где они, вероятно, будут сидеть играть в шахматы и ворчать за жизнь.

– В десять раз меньше, но твоя правда, давненько это было.

– Ты сам мне всегда отказывал.

Лайк кивает. Что тут обсуждать? Да, отказывал. Зет продолжает:

– Что изменилось?

Скрывать и врать нет смысла.

– Срочно нужны деньги.

Зет понимающе кивает, мол, вот чего ты спрашивал, можно ли взять награду в уни.

– А почему ты запросил женского бионика? Они лучше продаются?

– Нет, – медленно выговаривает Лайк, – мне нужен именно женский бионик исследовательской модели. Параметры я тебе скину позже, когда договоримся.

Зет чувствует, что на этом простор для расспросов иссяк. И меняет тему:

– Дай угадаю, желаешь знать детали дела?

– Не отказался бы.

– Все, что я могу сказать тебе на берегу – заказ крупняк, очень ответственный. Вырываюсь в высшую лигу.

Холодок пробегает по спине Лайка. Высшая лига – это корпорации или Единый совет. Мировой уровень. И стоит туда соваться в такой форме?

– Сомневаешься? – спрашивает Зет.

Как всегда, читает по лицу даже тогда, когда ты прикладываешь все силы, чтобы не выдать своих эмоций.

– Сомневаюсь. Давно не дайвил.

– Да вот же, только минут двадцать назад в легкую хакнул капсулу в дайве.

Теперь уже сдерживаться нет смысла, глаза широко распахиваются.

– Каюсь, – смеется Зет, – хотел проверить, в какой ты форме. Три минуты – отличный результат, предыдущий рекорд был четыре с половиной. И это при том, что ты уже лет десять как не у дел. Или, – он шурится и склоняет голову на бок, – ты сам подшабашивал в свободном плавании?

– Нет, последнее десятилетие я в другой сфере.

- Эх, испортила тебя эта Кристинка. Такой хакер пропадает!
 - Давай к делу, Зет.
 - Как скажешь. Короче, ты не нервничай, работа не одиночная. Будем брать стаей. Бровь Лайка невольно выгибается. Вопросы теснятся в голове.
 - Что будем брать?
 - Прости, пока не ударим по рукам, сказать не могу. Большой объект. Наша задача – подвесить его на десять секунд.
 - Всего десять?
 - Клиенту этого будет достаточно. Да и тут такой случай... Короче, даже десять секунд – это много.
 - А почему стаей?
 - Понадобится преимущество стайного интеллекта.
- Хорошо хоть, что не рой. Зет будто читает мысли:
- Рой собирать не хочу, мне важна каждая личность. Ну и мало ли что, из роя быстро не рассыпешься.

Лайка передергивает. Он однажды участвовал в хаке роём, и одно воспоминание о том, как ему пришлось отделяться от общего сознания и возвращаться в собственное, поднимает в груди тошнотворное ощущение.

- Кто поведет стаю? – спрашивает он у Зета.
- Претендуешь?
- Нет, благодарю покорно. Просто хочу знать, кому придется подчиняться.
- Мне. Я сам поведу.

Это что-то новенькое. Даже десять лет назад Зет уже редко работал из поля, его задачи лежали в области сбора и подготовки команды.

- Решил тряхнуть стариной?

– Говорю же, ответственный объект. Слушай, Лайк, да ты не переживай, план у меня хороший. Риск минимальный. Дайвить будем из плавучего города, место уже подготовлено. Шанс прогореть стремится к нолю.

Лайк не разделяет его оптимизма:

- Шанс есть всегда. Сам знаешь.

Они встречаются взглядами, и их глаза говорят больше, чем любые слова. Оба помнят все случаи и всех ребят, которых взяли. Молчаливый диалог длится с минуту, потом Зет откашливается и говорит:

- Короче, не выкручивай мне извилины. Ты в деле или нет?
- Глупый вопрос. Перся бы он к берегам Портленда, чтобы отказываться.

- В деле. Когда дайв?
- Двадцать первого.
- Декабря? – удивляется Лайк.
- Именно.
- В день запуска?

– Больше тебе скажу: в момент запуска, – улыбается Зет, и эта улыбка не сулит ничего хорошего.

- Мне это уже не нравится.

– Поздно, ты уже согласился. Я свяжусь с тобой за несколько дней. Рад был повидаться. Зет, не дав Лайку опомниться, встает и быстрым шагом направляется к выходу из двора.

рика.

Хочется крепко выmaterиться, да вот только глушилки на столе уже нет.

4.

*14 декабря 2112 года
офис главы Я.Корпорации, Москва, Земля
7 дней до запуска Солнета*

Закатное солнце мягко заливает кабинет сквозь панорамные окна. Алиса любит пейзаж московским, по которому успела соскучиться за десять лет скитаний по колониям. Вот уже два года, как она вернулась домой, и все никак не может насмотреться на любимый город. Она родилась здесь – подумать только, почти сто лет назад! – прошла с ним через все смутные времена, видела его и в запустении, и в жирном расцвете, и даже частично в руинах. Но вот она, красавица Москва, раскинулась перед ней. Обновленная, мирная, вальяжная. И Алиса стоит здесь на двухсотом этаже и смотрит. До сих пор живая. Уже – без паники перед высотой. Первые годы в новом здании Я.Корпорации, где ей полагался самый большой кабинет на верхнем этаже, она боялась подходить к окнам и, пока никто не видел, всегда опускала шторы и проецировала на них облик первого этажа, чтобы не думать, как высоко ее занесло.

Так уж сложилось, ее история началась на высоте. Быть может, на высоте она и закончится.

Ладно, полно копать в прошлом, Герман ждет.

Алиса отходит от окна, садится в массивное кресло, откидывается на спинку и погружается в Сеть, в переговорную комнату, созданную специально для этого случая с высшей степенью защиты. Она сделала переговорку уютной, с приглушенным светом, в мягких тонах. Он должен быть спокоен и расслаблен. Он должен согласиться, иначе все зря. Главное сейчас – не выдавать своего волнения, у журналистов на него нюх, как у голодных собак.

Герман уже там. Пунктуален, как дьявол. Да и выглядит так же. Как всегда, в идеально черном костюме, с идеальной укладкой черных волос, с идеальной соблазнительной улыбкой, за которую, как всегда подозревала Алиса, было куплено рекордное количество эксклюзивной информации. Он – лучший в своем деле. Именно поэтому ей нужен он, хотя вариантов достаточно.

– Алиса, душа моя! – он поднимается с кресла и раскрывает объятия.

Ох уж этот Герман! Алиса коротко прижимается к нему, ее носик утыкается в широкую грудь, от которой веет далекими манящими нотками. Перед ней первый и последний мужчина в истории, который умеет деликатно пользоваться парфюмом и изящно проецировать его в Сеть. Она ловко выскальзывает из его объятий, которые грозят затянуться, и усаживается в кресло.

Герман жадно провожает ее глазами. Невысокая ладная фигурка с несовременной сочностью, густая волна медных волос. Пока Алиса садится, он пытается разгадать секрет ее роскошности. Простая белая блузка, такие же примитивные брюки, минимум косметики. Как она умудряется выглядеть так, будто владеет всем миром? И, что еще важнее, зачем она его позвала? Предвкушение интересной беседы растекается в воздухе, щекочет разум.

Следом за Алисой он усаживается в кресло напротив, старается принять самую неприглядную позу – хотя внутри у него все так и подпрыгивает – и спрашивает:

- Итак, полагаю, у тебя есть предложение, от которого я не смогу отказаться?
- Отчего же, сможешь. Но будешь страшно жалеть.
- Звучит заманчиво.
- Ты его еще даже не слышал, – ее укоризненная улыбка прекрасна.

– Тогда я весь превратился в слух и жду.

– Герман, мой дорогой Герман, который готов влезть в глотку дьяволу за свежей сенсацией, считай, что вытянул сегодня счастливый билет! Ты получишь от меня эксклюзив.

– Интервью? – хищно вспыхивают глаза журналиста.

Алиса не дает интервью. За ней охотятся три оставшихся на плаву медийных магната, но она отфутболивает каждого. И тут сама предлагает ему интервью. Или что она там предлагает?

– Лучше, – расплывается в улыбке рыжеволосая соблазнительница.

– Лучше, чем интервью с тобой? Ты шутишь. Морган и Линху откусят головы своим заместителям, когда узнают.

– Ай-ай-ай, Герман, – шутливо журит его Алиса, – мы живем в счастливом Едином мире, негоже так отзываться о коллегах.

– Кто бы говорил, душа моя! Не ты ли ведешь святую войну с iCorp? Разве это не национализм?

– Если бы не мой, как ты выражаешься, национализм, американцы бы сейчас готовили запуск Солнета, а не мы.

– Алиса!

– Ох, ну прости, земляне американского происхождения. Мы закончили урок толерантности?

Герман смеется, не сдерживаясь. У него эти формулировки поперек горла, и Алиса отлично их отыгрывает.

– Да, – соглашается он, – закончили. Давай вернемся к тому месту, где ты предлагала что-то лучше интервью. Хотя, заметь, я до сих пор убежден, что так не бывает.

– Это потому, что ты еще не слышал, что я предложу тебе эксклюзивный архив. Все, что я удалила из Сети. Ты же хотел сделать фильм к моему столетию? Вот и сделаешь.

Герман не верит своим ушам. Алиса слила огромное количество ресурсов, времени и людей, чтобы подчистить о себе все, что считала недопустимым. И теперь предлагает весь архив. Ему что, придется в ответ продать душу?

– Когда ты говоришь «все»...

– То имею в виду все. Полную историю. Про экспериментальные геропротекторы, про взлом моего сознания, про жизнь в чужом теле, про все «безумства Алисы», про зрительское голосование. И про смерть.

Глаза Германа озаряются огнем ликования:

– Я получу сцену смерти?

– Да, прямиком из моих воспоминаний.

Это будет бомба. Такой эксклюзив взорвет рейтинги, оставив американцев с китайцами болтаться на задворках его величия. Но. Всегда есть гадкое «но».

– Чего ты хочешь взамен?

– Мне нужна твоя помощь в освещении одного дельца. Нужны люди и нужна история.

– О чем?

– О том, как мы взяли под арест крупнейшую группировку хакеров.

Сказать, что он ошарашен – значит, преуменьшить степень изумления до безобразия.

– А вы взяли?

– Еще нет, но возьмем в день запуска.

– Солнета?

Алиса шурит глаза:

– А что, мы еще что-то запускаем, а я не в курсе?

– Извини, я просто уточняю. Буду с тобой откровенным, я слегка в шоке.

– Понимаю. По официальным данным в Едином мире нет преступности. Но, дорогой мой, мы же все знаем, что она есть.

– Алиса, ты понимаешь, о чем меня просишь? Это же скандал регионального масштаба, если не мирового!

– Межпланетарного, душка. Это команда Зета. Ребята выходят в высшую лигу и собираются обвалить генераторы во всех колониях в момент запуска Солнета.

Сюрреалистичность ситуации начинает зашкаливать. Герман не верит, что они всерьез об этом говорят. Вопросы взрываются в разуме один за другим, как зерна попкорна.

– И у них получится?

– Нет, конечно, иначе зачем бы я это затевала? У меня есть их план, и я закрою уязвимости как раз перед тем, как они приступят. Мы возьмем всех тепленькими.

– У тебя там свой человек?

– Да. Я заключила выгодную сделку.

– Но как тебе удалось? Я много раз слышал, как к Зету пытаются пропихнуть агентов. Не смотри на меня так, это моя работа! Так вот, насколько я в курсе, каждая попытка с треском проваливалась.

Лукавая улыбка трогает кончики пухлых губ:

– Пусть это останется моей маленькой тайной. Так ты в деле?

– Алиса, не буду лукавить, я очень хочу отказаться. Есть риск, что меня сожрут с потрохами, если я подниму такую тему и на весь мир заявлю, что вот они, преступники, до сих пор ходят среди вас и столько лет остаются безнаказанными.

– Гер, это же не моя прихоть. Ты сам понимаешь, что кто-то должен это сделать. Недостаточно делать вид, что живем в идеальном мире. Нужно действительно превратить его в такой мир. И гидру надо рубить сейчас. После запуска они расплзутся по всей системе. Это же как чума. Чем больше безнаказанности, тем сильнее они будут нагнать. Хочешь потом мотаться по колониям и снимать охоту на ведьм?

– Ох, женщина, ты сведешь меня с ума! У меня есть время подумать?

– Ага, секунд тридцать. Если ты откажешься, я обращусь к Моргану, у меня с ним уже назначена встреча.

Ну ведьма же, ей-богу, по самому больному бьет!

– Твоя взяла, искусительница. Но я хочу получить сцену смерти прямо сейчас. Можешь показать?

– Ты уверен?

– Абсолютно.

В ее глазах мелькает странное выражение, которое журналист не может объяснить. Он уже думает, что Алиса откажет, но она соглашается:

– Дай мне пару минут, я найду.

Пока она ищет нужную сцену в архивах, Герман рассматривает ее лицо, и его озаряет: вот в чем кроется львиная доля ее шарма – в несовершенстве. Глаза не идеально синие, а с серым оттенком, лицо несимметрично, носик маленький, в россыпи светлых веснушек, губы полноваты. Среди идеальных людей она выделяется небрежной неидеальностью, натуральностью. Это делает ее уникальной. Он прекрасно знает, что ее бионик был воссоздан с настоящей внешности, а ведь еще тогда, в бум доступности пластических операций, она гордилась тем, что не поменяла в себе хирургическим путем ни единого миллиметра.

– Нашла, – говорит Алиса, – ты правда хочешь посмотреть прямо сейчас?

– Да, если ты не против.

– На твой страх и риск, Гер. Она неприятная. И сложная для восприятия.

Плевать. Сцена смерти – ключ ко всему, именно со смерти Алисы началась эпоха биоников. Разработками занимался ее отец, но тогда, во время расцвета популярности геропротекторов – инъекций, которые омолаживали и продлевали жизнь – в направлении биоников никто не верил. Человечеству не нужны были ни роботы, ни бионические тела, всем хотелось обрести

бессмертие в своем родном теле, да и вот же оно было, доступное, пусть и дорогое. До тех пор, пока отец Алисы не нашел способ переноса сознания из биологического мозга в бионический. У Германа был источник, который утверждал, что на самом деле способ переноса придумал не профессор, а тот самый хакер, который взломал iLife Алисы и занял ее сознание. Если это так, то парень совершил революцию дважды. Первый раз – когда доказал, что защита носимых айлайффов никуда не годится, и второй – когда дал жизнь бионическим телам.

Но все же Герман на всякий случай уточняет:

– В каком смысле сложная?

– Это мои воспоминания. О стриме. Ничего нового: те же погружения, что и сейчас, ты смотришь глазами другого человека. Но стрим ведется из моего тела другим человеком, а я большую часть записи присутствую там как сторонний наблюдатель. Ты будешь видеть мое тело, которое действует по чужой воле, но слышать мои собственные мысли. Это непросто переварить неподготовленному человеку.

– Я рискну. Показывай.

Алиса погружает его в просмотр. Мир переговорной меркнет.

Ночной город раскинулся под ногами. Не фигурально, буквально – Алиса стоит в круглой стеклянной конструкции, прикрепленной к крыше одного из небоскребов Нового Сити. Как мотылек в банке. Сходство усиливается белым развевающимся платьем. Босые ноги холодит стеклянное дно.

Алиса начинает говорить, и Герман понимает, что говорит не она. Тот, кто занял ее сознание. От странного ощущения кружится голова, голос-то ее:

– Привет, мои дорогие! Ну как вам вид, впечатляет? У вас есть время им насладиться, пока мы ждем тех, кто еще не подключился. Не бойтесь, долго томить не буду. Я же обещала, этот стрим станет последним. Если вы так решите. А вы решите, мои хорошие, ведь стоит слегка поскрести, как с вас спадает весь налет цивилизованности.

Она смеется, раскидывает руки, кружится над городом. Настоящая Алиса ежится от ужаса – она всегда боялась высоты, хотя и не раз стримила с безумных крыш.

– Чувствую, вы ждете от меня очередного безумства. Но сегодня будет интереснее – я предоставлю безумства вам. Вам ведь не привыкать, правда? Геропротекторы и без того превратили наш мир в сплошное сумасшествие. Кто из вас, как и я, отказался от детей ради того, чтобы подольше оставаться молодым? Кто находится над пропастью разорения и долговой тюрьмы из-за очередной инъекции? А кто только мечтает о том, чтобы вколоть себе эту дрянь? Думаете, я не знаю, как завидуют мне и таким, как я? Думаете, не получаю писем с угрозами?

Смех становится безумнее. Она приплясывает над вечерним городом, с неба стираются последние блики заката. Темнеет, холодает.

– Знаете, в чем секрет? В том, что большинство из вас умрет прежде, чем успеет заработать на бессмертие. А такие, как я, останутся. И будут вечность мозолить вам глаза своей красотой и бесстыдным счастьем. Хотите это остановить?

Алиса задыхается от гнева в чужом теле, но не может оторваться от стрима. На кону стоит жизнь Ника, ей придется досмотреть.

– Посмотрите, сколько людей сегодня здесь, со мной, вместо того, чтобы жить своей жизнью.

Она делает статистику видимой для подключенных к стриму. Цифра потрясающая – почти пятьдесят миллионов человек.

– Сейчас перед каждым из вас появится кнопка. Сразу нажимать не надо, она будет неактивна, пока не закончится обратный отсчет. Знаете, что она делает? Открывает люк подо мной. Не шучу. Любой из вас может решить: жить мне или нет. Люк откроется даже от одного нажатия.

«Что он творит? Неужели думает, что кто-то способен совершить убийство в прямом эфире?» – думает настоящая Алиса.

– Нажатие гарантирует полную анонимность. Как только закончится обратный отсчет, на несколько секунд кнопка станет активной. Готовы использовать свой шанс?

«Пусть так, даже анонимно никто не станет убивать невиновного человека. Если уж в средние века не устраивали казнь ради казни... Мы же в цивилизованном мире, твою мать! Что ты хочешь доказать?»

Запускается обратный отсчет. На экране стрима появляется красная кнопка. Десять, девять, восемь...

Алису мутит. Зрение плывет, невыносимый шум в ушах.

Пять, четыре, три. Холодный ветер скользит по коже. Она больше не в квартире. Под ногами пропасть. «Нет, только не это!». Она так жаждала вновь очутиться в своем теле, но теперь готова молить всех богов, лишь бы тут не находиться. Два, один, ноль.

Алиса даже не успевает вскрикнуть. Стекло проваливается под ногами, руки скользят по стеклу, ищут опору, уступ, что угодно. Тщетно. Она летит вниз. У нормальных людей перед смертью проносится жизнь перед глазами. У Алисы – счетчик нажатий. На цифре в три миллиона она встречается с землей.

Герман вываливается из воспоминаний, задыхается от дикой боли.

– Я предупреждала, – строго говорит Алиса.

Показатели сердечного ритма зашкаливают, и ему приходится взять паузу, чтобы восстановиться. Потом он произносит:

– Теперь я понимаю твою охоту на ведьм. Если бы хакер сделал это со мной, я бы тоже решил известить их до последней особи. Но я не могу понять другого.

– Чего же?

– Как ты смогла простить людей.

– А кто тебе сказал, что я простила?

Она проговаривает это спокойно, почти безразлично. Но на Германа сваливается понимание. Все думают, что Алиса ведет человечество к светлому будущему от широты своей натуры, от высокой морали и идеологии, от веры в Человека разумного. Но нет. Нет, три тысячи раз «нет». Она всего лишь искореняет из нас тех людей, какими мы были. Шаг за шагом, методично и безжалостно.

Он смотрит в эти холодные серо-синие глаза и остро ощущает, что он младше ее не просто на сорок лет, а на сорок жизней. Ни один человек на Земле не назвал бы Германа трусом, все знают, что он и Кракену под брюхо залезет, если понадобится. Но Алису он боится. В этой маленькой рыжеволосой женщине живет десяток Кракенов.

Тяжелый вздох невольно вырывается из его груди. «Во что я, черт побери, ввязываюсь?».

– Завтра я пришлю к тебе свою группу для интервью. А ты подготовь мне подробные инструкции по нашему делу. Сколько тебе нужно людей, куда направить, какие планы снять. Максимум информации, который ты мне можешь дать.

– Спасибо, Гер, я знала, что на тебя можно положиться. Но если ты назовешь фильм в духе «Шокирующая история первого бионика на Земле» или «Вся правда о безграничном бионике», то я откушу тебе голову.

Герман с удовольствием смеется, думая про себя, что «безграничный бионик» – отличное описание единственного бионического тела, не имеющего ограничений по времени использования. Станный подарок от человечества – подарить бесплатное цифровое бессмертие одной из самых богатых женщин в мире.

Она обнимает его на прощание, и от ее тепла ток проходит по венам. Герман спешно откланивается и уходит из переговоров.

Алиса возвращается в свой кабинет, под неодобрительное ворчание систем бионика наливает себе бокал красного чилийского и тяжело откидывается в кресле. Она думает о предстоящем интервью – и в животе скручивается тугой узел страха. Сколько лет она бежала от публичности, вырывала ее из себя с корнем, избавлялась от нее, как от части своей натуры. Алиса была на виду с пеленок. Ее мать на третий день после рождения девочки начала снимать с ней видео и выкладывать на популярном ресурсе. Канал набирал обороты, и детство Алисы превратилось в съемочную площадку. В ее воспоминаниях мать всегда либо с мобильным телефоном, либо с камерой. Нет, малышка не жаловалась, она воспринимала свою реальность как единственно возможную, как настоящую жизнь. Она не обижалась, когда мама журила ее за испорченный дубль или за пятно на том платье, которое «я приготовила специально для съемки», научилась достойно вести себя в прямых эфирах и с шести лет общалась с подписчиками.

Да и на что было жаловаться, когда ее узнавали на улицах, забрасывали восторженными письмами, а в школе все завидовали. Она тогда была слишком юна и слишком глупа для того, чтобы понять, как ценно нормальное детство, здоровые отношения с матерью или хотя бы личное пространство. Только после смерти она поняла, как много упустила. Она росла в уникальной среде: ее отец и его брат были разработчиками мировой величины, ей бы больше общаться с ними, а не играть в «мамину звездочку».

Потом на смену мобильным телефонам пришли айлайфы – тогда еще носимые, полуобручи, которые надевались на голову. И пришли они не откуда-то со стороны, прямо из семьи, их разработал Макс, ее дядя. Алиса тестировала первые образцы, и одной из первых начала стримить – «раздавать» свое сознание незнакомым людям. Любой желающий мог смотреть на мир ее глазами столько, сколько она находилась в стриме. И она была в этом чертовски хороша. Ее юность вместе с ней прожили миллионы людей. Она тренировалась, путешествовала, училась и жила в режиме онлайн. После смерти матери сетевая жизнь затянула ее с головой. Начался бум геропротекторов: за бешенные деньги можно было ввести себе омолаживающий или пролонгирующий состав. Тогда люди думали, что за ними – будущее. Это было задолго до открытия зависимости и побочных эффектов. Или незадолго, но в тот момент, когда все тщательно скрывалось.

Ее мир рухнул, когда в прямом эфире интервью старый враг вырвал ее из ее сознания – это был первый случай хака устройства iLife. Эдуард превратил ее жизнь в сущий ад, и Алиса впервые столкнулась с замалчиванием: когда ей удалось доказать Макс, что его непогрешимое творение уязвимо, тот решил замаять тему, чтобы не обвалить продажи. Ей пришлось пройти через все унижения и испытания, которые ей приготовил Эд, и последним была смерть в прямом эфире. Смерть, которая устроила революцию. Три миллиона человек попали под суд по обвинению в убийстве – обещанная анонимность оказалась фуфлом. Был страшный скандал, пересмотр законодательства, а после – информационная бомба в виде возвращения Алисы в теле бионика. Ее отец из сумасшедшего разработчика вдруг превратился в революционера, который подарил людям цифровое бессмертие. А она сама решила выйти из круга публичности. Раз и навсегда.

И вот она возвращается. Опять, опять миллионы устремленных на нее глаз. Сколько лет она умудрялась возглавлять Я.Корпорацию и не дать ни единого интервью, не провести ни одного прямого эфира. Только выступала на научных конференциях и на заседаниях Единого Совета.

Но в этом случае цель оправдывает средства. Если такова цена за то, чтобы искоренить касту хакеров – пусть так, Алиса готова, отпразднует свое столетие с размахом, взяв последних, кто портит ей жизнь.

Путешествие по волнам памяти забирает у нее последние силы, но она все равно оставляет бокал и погружается в Сеть, чтобы отобрать материалы для Германа. Скоро у нее совсем не будет времени этим заниматься, так что она выкручивает мощность обработки до предела и ныряет в собственный огромный архив, где хранится вся ее цифровая жизнь, которую она с таким усилием вырывала из Сети. Мелькают воспоминания, записи. Она бесстрастно сортирует, стараясь не углубляться, не проживать и, главное, не останавливаться на тех записях, где есть – то есть, был, конечно – Ник, ее друг, ее муж. Она убирает все воспоминания о нем и об их дочери в закрытое хранилище. Эти записи Герман никогда не получит, он даже о них не узнает.

– Кир, – обращается она к своему персональному помощнику, – скопируй все отмеченные мной файлы и помести их в хранилище с возможностью стороннего доступа.

– Ты уверена, Алиса?

– Да, мой дорогой, разрешаю тебе эту операцию. И проследи, чтобы у хранилища был высший уровень защиты. Я передам эти файлы только одному человеку, больше проникновенный быть не должно.

– Как скажешь. Я могу приступить?

– Приступай. Нас ждут больше перемены.

Алиса выходит из Сети. В кабинете уже темно. Она не включает свет, смотрит в окно на ночной город и отпускает все мысли. Скоро, уже совсем скоро.

5.

20 декабря 2112 года

Аврора, Земля

1 день до запуска Солнета

Катер медленно разрезает серебристым носом черную гладь воды. Лайк намеренно выбрал древнюю модель и заложил курс так, чтобы добраться до Авроры и успеть поменять внешность на воде. Теперь до прибытия остается тридцать минут, наноботы вносят последние изменения в бионика. Повинуясь воле пассажира, потолок каюты становится зеркальным и отражает до боли знакомый облик: длинное жилистое тело, светлая кожа, пепельные волосы с тремя синими прядями и выраженная гетерохромия: один глаз карий, второй – голубой.

Лайк рассматривает себя в зеркале, вживается в тело, вспоминает, какого это – быть этим Лайком. Он использовал такой образ множество раз, и не единожды уходил в нем от слежки или погони. Яркие детали дают отличный бонус: люди запоминают именно их. Никто из опрошенных не мог внятно назвать разрез его глаз, форму носа или челюсти, помнили лишь пряди в волосах и разноцветные глаза. А меняются они за секунды, регистрации не требуют. Снимаешь эту мишуру – и растворяешься в толпе, неузнанный и забытый.

Он поднимается на ноги, разминается, отстраивает центр тяжести и баланс. В этом теле он даже чувствует по-другому. Тело помнит. Тело знает. Как бы теперь самому не раствориться, не перестроиться до конца, не вжиться на полную. Он сам себя пугает, в размяченную за последнее десятилетие душу просачивается холод, сталь, искристая отрешенность, потаенное чувство могущества, безумия, вольности. Вот из чего его вытащила Крис. Как иронично, что только в таком виде он может отплатить ей за спасение. Иронично и грустно.

– Желаете зарегистрировать новую внешность? – ласковым голосом интересуется система.

– Запрашиваю автоматическую регистрацию через двадцать четыре часа.

– Принято. Задайте пароль для отмены автоматической регистрации.

Лайк называет кодовое слово. Ну вот, с этим покончили. Он еще раз проверяет все расчеты. Запаса должно с лихвой хватить на то, чтобы повернуть дело и уйти на безопасное расстояние. Если что-то пойдет не так – ни за что нельзя светить свою настоящую внешность, пусть регистрируется эта. В конце концов, это и есть тот-самый-Лайк, он и понесет ответственность. Перед его мысленным взором всплывает все то, что он пережил в этом теле: каждый выбор, каждая победа, все до единой ошибки. И когда он свернул не туда?

Он злится. Кто мог подумать, что возвращение в этот облик катком проедет по психике? Эмоции сейчас – непозволительная роскошь, некогда отвлекаться на воспоминания и рефлекссию о выборе жизненного пути. Лайк запускает психомоделирующую программу, которую он почти с нуля переписал под свои нужды, выкручивает до минимума чувствительность реакций, а максимум уводит на ментальные способности. По телу разливается волна облегчения, а вместе с ней приходит зуд азарта. Увы, его не отключить. Теперь, когда сомнения и переживания едва трепыхаются на задворках души, драйв головоломки выходит на первое место. Ему уже хочется взяться за дело.

– Режим «сосредоточенность» активирован – запоздало подает голос программа.

Сообщение заставляет Лайка вздрогнуть от неожиданности – он по максимуму отключает голосовые уведомления там, где это возможно. Пожалуй, он единственный современный человек, у которого все еще есть проблемы с голосами внутри головы. Впрочем, с голосами снаружи проблем обычно еще больше, тут уж ничего не попишешь. И он все равно посмеи-

вается: глупая программа по наивности верит, что включился один из стандартных режимов настроения, хотя после того, как Лайк над ними поколдовал, они превратились в нечеловеческие способности, и он искренне гордится своей модификацией. Главное – не злоупотреблять, такие качели для психики – слишком большая нагрузка, но на крайний случай лучше не придумаешь. Даже сейчас моральные терзания об этичности и опасности игр с психикой плещутся где-то на задворках сознания.

А волны все бьются о борт, разлетаются холодными фейерверками, и катер все ближе к своей цели. Вот уже видны вдаль огни Авроры. Плавающий город величаво бороздит океанские просторы, неспешно несет себя вперед, подминает под брюхо могучие волны, что для него не страшнее щекотки. Мелкий катерок Лайка, которому приходится бороться со стихией, потонул бы от зависти, если бы имел чувства.

Аврора все увеличивается, расплзается по горизонту, неотвратно надвигается. Лайк перебарывает слабый соблазн крутануть руль и умчаться в сердце шторма, лишь бы не высаживаться в плавающем мегаполисе. Быть может, не настрой он психомодуляцию, так бы и поступил. Но нет, несется навстречу своей судьбе, его руки, едва дрогнувшие в сомнениях, крепко держат руль и ведут суденышко к плавающему гиганту. Многоярусная Аврора уже заслоняет собой небосклон, белоснежные тонкие здания светятся в подступившей темноте, слабым сиянием мерцают плавные изгибы защитных опор. Лайк сверяет время: он все прикинул верно, до встречи больше десяти часов, успеет разведать обстановку и даже поспать.

Пропуск от Зета срабатывает, как надо: шлюз приветственно распаивается перед маленьким катером. На этом для Лайка управление судном заканчивается: катерок уже подхватывают швартовочные панели и ведут к пристани. Вода гулко плещется под куполом шлюза, эхо облизывает потолок, и Лайк инстинктивно старается производить как можно меньше шума – здесь все кажется слишком громким.

Он выскакивает на пружинистые синтокаучуковые плиты пристани и входит в зону регистрации. Система фиксирует его прибытие, бухтит по поводу тестового периода внешности и только после всех процедур сладким женским голосом приветствует гостя:

– Добро пожаловать в Аврору! Вы прибыли в пятый по величине плавающий город, площадью пятьдесят квадратных километров. Население – триста пятнадцать тысяч человек. Наше путешествие началось в 2069 году от берегов Финского залива, куда мы возвращаемся каждые пять лет. Мы рады, что вы присоединились к нашей семье. Приятного плавания!

У Лайка едва хватает терпения, чтобы дослушать. Как только голос Авроры умолкает, он уже спешит к выходу из шлюза, который наконец открыт. Город встречает его морским бризом и летним теплом, обволакивает тропическими запахами зеленых насаждений, обнимает толпой. Все в белом, как и сам Лайк, и, чем ближе к запуску, тем больше людей высыпает на улицы. Они даже не переходят в сетевой режим города, общаются вживую, прикасаются друг к другу, отчего мальчишки бледнеют, а девочки заливаются краской. Угловатые, слегка неловкие, они бродят стайками, запускают в воздух аэросердца, змеев и отпечатанных на скорую руку белых голубей. Взрослые беседуют, обхватив себя руками, то и дело с разных сторон раздаются неестественно громкий смех. Малышей на улицах мало – в Авроре очень строгие требования к плотности населения.

Лайк пробирается сквозь толпу по узкому переулку из шлюзовых помещений и выходит на площадь Нахимова с интерактивными развлечениями. Судя по нелепости происходящего, вся движуха происходит в допреальности – приходится включить режим. Поначалу Лайка ослепляет – все белоснежные поверхности домов, окружающих площадь, вспыхивают рекламными и информационными экранами. С трех из них ему сулят подобрать дизайнера внешности, и парень гневно чертыхается: стоит поменять внешность, как начинается, теперь с каждой крышки унитаза ему будут предлагать услуги стилистов.

Зрение потихоньку перестраивается на дополненную реальность, воздух наполняется игровыми элементами, в руках у празднующих появляются символы лучших сетевых эпох: световые мечи, бластеры, карманные машины времени и телепортаторы, нейтрализаторы, а у одного парня в руках Лайк с затаенным трепетом узнает красную монтировку. Теплое ностальгическое чувство трогает душу: в его детстве игры были единственным спасением от безумной реальности, охваченной хаосом потерянных в Сети, слишком умных машин, новых законов, болезненного перехода к новому укладу. Родителям не было до него дела, и мальчишка буквально вырос в Сети. Мальчик, воспитанный играми, современный Маугли. Тело до сих пор помнит сетевые битвы, и ему приходится немало побороться с инстинктами, чтобы не уклоняться от оружия в игровой зоне.

И тут все замирает. Шум смолкает за несколько секунд, растерянный ропот прокатывается по толпе – и на всех экранах появляется улыбчивая рыжеволосая женщина. Холод, смешанный с восхищением, стекает по позвоночнику Лайка. Это Алиса. Быть не может, Алиса! Непривычно мягкая, в простом белом платье – неужели в том самом? –, с теплой улыбкой, за которой прячутся далекие стальные нотки. Сколько лет глава Я.Корпорации не появлялась на публике и не записывала никаких обращений, и вот, пожалуйста. Опять ее лицо, как центр Вселенной, ослепляет со всех экранов.

Включается режим персонализации, и Лайку начинает казаться, что Алиса смотрит только на него, заглядывает в душу, просачивается под кожу, бьется пульсом в венах.

– Приветствую тебя, мой друг!

О боги, этот голос!

– Мы так давно не виделись, но теперь все изменится. Завтра мы вступим в новую эру. В двадцать один час двенадцать минут мы запустим Солнет. Земля, Марс, Венера и Титан объединятся в одну Сеть, мы сотрем границы между мирами и начнем большое переселение. Для каждого бионика, который регистрируется в качестве жителя колонии, мы снимем ограничения на подписку, а в колонии на Титане – ограничения на рождаемость. Но не подумайте, я не призываю всех и каждого переселиться, на Земле тоже грядут большие перемены.

Люди на площади начинают аплодировать, и Алиса замолкает в ожидании. Лайк тоже механически хлопает в ладоши, чтобы не выделяться, но едва чувствует свое тело. А как бы его скрутило, не включи он психомодуляцию? Даже подумать страшно. Алиса, Алиса, что ты творишь?

– Я хочу напомнить, что после запуска Солнета будет действовать пятиминутное ограничение на связь с вашими родными, которые находятся в колониях. Потерпите немного, совсем скоро вы сможете общаться с ними в привычном режиме.

Новый шквал аплодисментов прерывает ее речь. Идиоты.

Умом Лайк понимает, что вот эти промежуточные реакции – не настоящая Алиса, а работа персонализации трансляции, но все равно замороженно смотрит, как она нежно и терпеливо ждет, когда люди на площади умерят свой пыл. И только потом продолжает:

– И еще одна новость. Мир меняется, и я готова меняться вместе с ним. Да, я избегала публичности и отклоняла многочисленные запросы на интервью, но теперь я готова рассказать свою историю. Завтра мне исполнится сто лет, и мне есть, что поведать. На следующий день после запуска Солнета выйдет большой фильм. Хотите увидеть трейлер?

Ликование охватывает площадь. Соблазнительная улыбка трогает губы Алисы, изображение меркнет, и каждый экран вспыхивает своим отрывком. Лайк жадно скользит по ним глазами. На некоторых из них Алиса совсем юная – нет, она выглядит так же, но ее выдают мимика, движения, озорной блеск глаз, в которых еще нет бездны. Вот она тренируется, вот проходит по канату над бездной, вот болтает какую-то ерунду в ванной. Изображения сливаются, он ищет глазами то самое. И находит. Алиса в этом же белом платье стоит в стеклянной конструкции над ночным городом. С ума сойти, они покажут сцену смерти! Сцену, которую

когда-то вырвали из его памяти. Ему удалось сохранить только один обрывок – три секунды, в которые она кружится над городом. Жадное желание поскорее вернуть ее прокатывается рядом по телу.

Ролики угасают, и на их место опять приходит Алиса.

– На этом сюрпризы не заканчиваются. Завтра я буду лично присутствовать на запуске с Красной площади. А в ближайшие дни вас ждут крутые сюжеты, которые мы готовим совместно с медиа-группой Я.Голос. Будет много неожиданного, спорного, но точно взрывного. И я счастлива быть с вами и вместе идти к нашему великому будущему. На этом прощаюсь, увидимся завтра в момент запуска Солнета. Мне уже не терпится, а вам?

Она лукаво подмигивает, как девчонка, и ее лицо стирается с экранов, оставив Лайку напоследок полный хаос в мыслях. Площадь вновь погружается в игровой режим.

Лайк спешит убраться отсюда, пробирается – белый сквозь белое – через празднующих, задевает кого-то плечом, рукой, наступает на ноги. Мысли мечутся. Так не пойдет. На ходу он еще подкручивает психомодуляцию. Все, дальше некуда. Но становится легче. Он идет аккуратнее, ныряет в дальний переулок, тащит себя до гостевого дома, скользит на лифте и, кажется, спустя тысячу лет, вваливается в квартиру, падает на кровать, дышит.

Тишина. Слабое мерцание из окон. Далекие звуки ликования. Запах стерильного пустого жилья. Вдох на четыре. Выдох на восемь. Собраться, успокоиться, забыть. Нужно работать, а не ковыряться в прошлом. Чертовски сложно в этом теле не поддаться искушению, не влезть в архивы, не перетряхнуть все историю.

– Когда ты уже научишься отпускать прошлое, дружище? – вопрошает он в пространство, садится на кровати и встряхивается.

Демоны поджидают в праздности. Работай, рефлексирующая размазня, и голова встанет на место! Он следует собственному совету и ныряет в сетевой режим города, который позволяет осмотреть всю Аврору в мельчайших деталях, потратив на это не несколько дней, а несколько часов. Одновременный запуск программы собственного изобретения дает ему доступ к закрытым данным: защитным полям, камерам, датчикам. Руководители плавучих городов помешаны на безопасности, хуже них только воздушники. И чего Зет решил собирать стаю именно здесь?

Разведка не приносит облегчения. Аврора напичкана под завязку. Хуже того, у нее, оказывается, есть система закрытого режима. В экстренных ситуациях на защитных опорах могут подниматься экраны. А что это значит? То, что стоит им ввести закрытый режим, как Аврора превратится в плавучую консервную банку. Значит, придется искать подводные выходы или вскрывать шлюзы. Код последних хорошо закрыт, и в одиночку Лайк не хочет рисковать: одно неловкое движение – и он засветится. Надо будет предложить Зету включить это в сетевую разведку. Если тот сам уже не добавил этот вопрос в план отхода. Хотелось бы верить, что он и не понадобится, но Лайк не продержался бы столько лет, если бы не был параноидально осторожен.

Работа успокаивает. Мозг раскручивается на полную: строит маршруты, просчитывает вероятности, анализирует неизвестные, фиксирует каждую мелочь. Из потока его вырывает звонок Зета:

– Лайк? Ты в городе?

– Да, все четко.

– Лови координаты места. Время то же – пять утра.

– Принято, до встречи.

Зет тут же отсоединяется – они стараются не рисковать перед делом, сводят переговоры к минимуму. Лайк смотрит на точку встречи. Хорошее место, отлично ложится на маршруты отхода, из этой точки одинаково доступны три шлюза и поблизости минимум пять точек погру-

жения в подземку. Хорошо, что сходка не в подводной части, этого Лайк опасался. Впрочем, Зет «не первый день замужем», знает, что делает.

На часах полночь. Можно поспать часа четыре, а то и четыре с половиной. «Да, мысль здравая» – думает Лайк, откидывается на кровати и мгновенно погружается в сон. Ему снится Алиса. Ненавистная. Божественная.

Он просыпается раньше времени, голова гудит, перегруженная новым режимом. Стоило отключить его на сон, но трусость перед пробуждением с открытой душой победила. Теперь приходится настраивать систему бионика, чтобы он привел голову в порядок и заглушил боль. Когда ломота в висках отступает, Лайк проверяет план отхода. Флаер, нагруженный необходимым снаряжением, в маскировочном режиме плавно скользит за Авророй на безопасном расстоянии, готовый по первому свистку броситься к хозяину. Очередь за Ликой. Девушка отзывается на голосовой вызов с первых мгновений – должно быть, она сейчас бродит где-то в джунглях, следит за своими подопечными зверьками.

– Привет, Лайк! Ты по нашему вопросу?

– Да. И привет, ага.

– Все готово, твоя хижина выросла. Когда тебя ждать?

– Если все пройдет хорошо, то жди не меня, а пустой флаер.

– Совсем пустой? – усмехается Лика.

– За кого ты меня держишь? Нет, конечно, микроАЭСки на борту, я же обещал.

Между ними повисает тяжелое молчание. Потом Лика решается и спрашивает:

– Леш, мне стоит за тебя переживать?

– Нет, все в норме.

– Слушай, не ездь мне по ушам. Если ты готов выложить партию аэсок за живую хижину, значит, дело серьезное.

– Лик, ты же взрослая девочка. Сама понимаешь, что я ничего не скажу.

– И понимаю, почему. Но меня это не останавливает. Я боюсь за тебя, Леш.

– Давай сойдемся на том, что я просто хочу провести отпуск в ваших отшельнических экоугодьях?

Она сдается:

– И за что я тебя, дурака, терплю? Ладно. Хотела сказать, что жду тебя, но, видно, лучше не надо.

– Как пойдет. Лучше не надо, да. Спасибо тебе.

– Брось, тебе вежливость не идет. Все, я побежала, у меня тут тигры на подходе.

– Яванские?

– Догадливый, гад, – ухмыляется Лика и отключается.

Теплый голос подруги изгоняет последние отголоски мрачного настроения. В конце концов, его прошлое – не сплошной поток противозаконности, неприкаянности и чернухи, есть в нем и такие светлые люди, как Лика. Милая, самоотверженная, добрая. Зоозащитница, мать вымерших видов, смешная лесная фея.

С улыбкой Лайк ныряет в тренировочный режим, чтобы сбросить остатки напряжения. После тренировки и душа он чувствует себя обновленным, и к нему возвращается азарт предстоящей головоломки. И любопытство – Зет до последнего скрывает детали дела.

Времени еще предостаточно, так что Лайк решает прогуляться по предрассветному городу. До точки недалеко. Сонные улицы встречают его уютной тишиной. Он не включает допреальность, так что кругом царит красота и информационная девственность – ни одной вывески и экрана, чистый облик Авроры: белоснежные и голубые покатые здания, усеянные растениями с размашистыми листьями, серебристые рельсы патов, мерцающие в предрассветной дымке, серые синтокаучуковые дорожки, которые мягко пружинят под ногами. Воздуш-

ные коридоры трасс слабо светятся в воздухе: по голубым полосам редко пролетают флаеры, по зеленым снуют боты-доставщики. С задорным жужжанием на улицу высыпают уборочные машины и спугивают стайку девчонок, которые развлекались моделированием голографического города.

Чем ближе к цели, тем медленнее становятся шаги Лайка. Он впивается глазами в улицу, схватывает каждую деталь, скользит глазами по редким прохожим, стараясь держаться от них в стороне. Но вот его взгляд выхватывает приземистое одноэтажное здание – большая редкость в Авроре, наверное, переносной дом – бледно-голубого цвета. У дверей он издали замечает фигуру и внутренне напрягается. Человек стоит у входа, мнетя, но не заходит, будто чего-то ждет. Все бы ничего, стоит себе да стоит, вот только Лайку самому надо в эту дверь. И задумчивый прохожий не сулит ничего хорошего. Парень уже мысленно прикидывает план действий, но тут незнакомец решительно уходит от двери и сворачивает за угол здания. Лайк ускоряется, чтобы проскочить, пока никого нет поблизости.

Он уже тянет на себя дверь, когда тот человек вновь появляется в поле зрения. Вот бы успеть, пока его не заметили.

– Лайк? – окликает его неуверенный голос.

«Твою ж галеру» – обреченно думает он и оборачивается.

На него смотрит молодой парень столь неопределенной наружности, что становится ясно – внешность намеренно неприметная.

– Это вы мне? – уклончиво переспрашивает Лайк.

Незнакомец щурится, хмурит брови.

– Айриш.

Для постороннего человека слово не будет иметь никакого смысла. Но Лешка, услышав этот ник, расслабляется:

– Вот это встреча! Не ожидал тебя здесь увидеть.

Лицо Айриша тоже озаряется радостью узнавания:

– Обалдеть, ты до сих пор юзаешь этот облик?

– Стабильность – признак мастерства.

Хакер в ответ смеется, раскидывает руки, обхватывает старого друга и похлопывает по спине. От такого резкого вмешательства в личное пространство Лайк морщится, но ничего не говорит. И, раз уж это старый знакомец, решает спросить напрямую:

– А ты чего сразу не зашел? Видел тебя у дверей, ты постоял, а потом ушел.

Айриш бледнеет:

– Только Зету не говори, окей?

– Мог бы и не уточнять.

– Соскочить хотел. Давно не хакал, вышел из игры лет пять назад, но тут по деньгам припекло, решил ввязаться. И что-то не нравится мне это все.

Знакомая песня. Слишком знакомая. Лайк уже собирается рассказать, что сам давно не в теме и ввязался по той же причине, но неведомый инстинкт заставляет его промолчать: чем меньше личного, тем лучше. Вместо этого он задает вопрос:

– Что не нравится?

– То, что нет деталей. То, что время дела совпадает с запуском Солнета. То, что Алиса внезапно объявилась и готовит какие-то сюрпризы. Сам знаешь, шутки с Я.Корпорацией плохи.

Да уж, Лайк знает об этом побольше многих. По позвоночнику проходит неприятный разряд дурного предчувствия. Айриш всегда был безбашенным парнем, но интуиция у него работает на ура. Сомнения чиркают по разуму. «Может, уйти?». Но тут же следом догоняет другая мысль: «А как же Кристина? Как же Тея?».

– Ты идешь? – спрашивает он Айриша, вновь распахивая дверь.

Тот кивает и входит следом. Дом оказывается больше, чем смотрелся снаружи, и они идут по навигационной тропке на полу, петляя по коридорам, и болтают по пути о всякой ерунде, вспоминают времена совместной работы, курьезные случаи. Обстановка потихоньку разряжается.

В комнату, отмеченную на координатах, они входят через десяток минут. «Гнездо хакеров» – иначе и не назовешь. В середине пространства стоят в круг черные кресла для дайва с усиленной мощностью, которую не сможет выдать даже мозг бионика. Остальное пространство хаотично заставлено оборудованием, мягкими пуфиками, приземистыми столами. Пищевой принтер стоит, покосившись на один бок, подпирает генератор напитков. Тут же душевой модуль, большой промышленный принтер, синтезатор звуков. Странно и непохоже на педанта Зета.

Когда Лайк с Айришем пересекают порог, к ним оборачиваются все, кто находится в комнате: Зет, в том же облике, в котором они встречались за айстором, и еще шесть хакеров. Лайк обводит глазами лица, ищет знакомые черты. Пять мужских физиономий никого ему не напоминают, а вот девушку он узнает – Стрелка, красотка с розовыми волосами и неестественно огромными синими глазами. Она тоже любит базовый облик и яркие детали. Девушка его узнает и кивает. Остальные представляются. Нет смысла скрывать свою личность в обществе людей, каждый из которых может взломать твои идентификационные данные за двадцать секунд.

Зет приветствует прибывших и неопределенно кивает на беспорядок комнаты, мол, присаживайтесь. Лайк и Айриш опускаются на свободные пуфики рядом со Стрелкой. Та игриво подмигивает. За следующие несколько минут в комнату входят еще пять человек, все парни.

– Да у меня тут целый гарем, даже не знаю, с кого начать – хмыкает Стрелка и принимает еще более вызывающую позу, хотя, казалось бы, куда уже.

Лайк про себя ухмыляется: он прекрасно знает, что за напускной сексуальностью девчонка скрывает неуверенность.

Когда все занимают свои места, Зет поднимается и начинает инструктаж с места в карьер:

– Сразу к деталям. Раскрываю карты. Нашему заказчику нужен доступ к закрытому хранилищу исследований марсианской станции. Единственный шанс прорваться через трехфакторную защиту – подловить момент сброса генераторов при запуске Солнета.

Лайк замечает, как несколько лиц бледнеет и вытягивается. Сам он тоже не в восторге. Зет поясняет:

– Программный перезапуск занимает одну секунду. Нам нужно увеличить этот разрыв до десяти секунд.

Выстоять десять секунд против Я.Корпорации? Охренительная затея.

– Не смотрите на меня так, – тут же реагирует главный, – с моими ресурсами это возможно. Я привезу ключи.

С каждой фразой Лайк все мрачнеет. Это каким же чудом Зет собирается раздобыть ключи доступа? Пахнет паленым, вот что. Атмосфера в комнате звенит напряжением.

– Добыть десятиминутки я не смогу, сами понимаете. Но у меня есть доступ к суточникам, с ними придется повозиться, зато у нас будет шанс обойти защиту. Как только вы возьметесь за разведку, я уеду на пару часов и вернусь с ключами.

– А если не вернешься? – вызывающе спрашивает Стрелка.

Зет резко оборачивается к ней:

– Если кто-то во мне сомневается, может выйти из игры прямо сейчас. После очистки памяти, конечно же.

Каждый человек в этой комнате хоть раз проходил через очистку. И Лайк уверен, что каждого сейчас передернуло так же, как и его самого.

Но Стрелку так просто не смутить:

– Не будь ребенком, Зет. Мы должны просчитать все варианты. Допустим, тебя перехватят. Что дальше? Все срывается?

– Ничего не срывается. Ваша оплата уже переведена, она автоматически разморозится через двадцать минут после запуска.

– Я не про оплату. Я про дело.

– Стрелка, не морозь меня. Я вернусь.

Она даже не говорит. Но смотрит на него таким матом, что Зет продолжает:

– Господи, женщина! Любой из вас сможет и без меня возглавить стаю. Хоть бы и ты.

– Вот уж нет, ты меня на это дерьмо не подпишешь. Пусть Лайк возглавляет.

У последнего глаза чуть не выпадают на колени. Какого дьявола тут творится?

– Хорошо, – неожиданно соглашается Зет, – при формировании стаи я поставлю Лайка бетой, тогда он сможет меня заменить, если что случится, – и добавляет с нажимом, – Но ничего не случится.

Стрелка усаживается на пуфик в царственной манере победительницы. Лайк ни черта не понимает. Со всех сторон раздаётся одобрительное гудение. Его здесь все знают, каждому доводилось поработать с ним, а большинству – даже впутаться в переделку и выйти из нее с головой на плечах.

– Теперь мы можем вернуться к делу? – раздраженно спрашивает Зет.

Стрелка делает позволительный жест рукой – валяй.

– Наша задача – обвалить генераторы на десять секунд. Не только на Марсе, во всех колониях. К инфе заказчик пробирается сам, с нас – отвлекающий маневр и прикрытие. Первой обвалим Венеру, там будет больше всего переполоха. Следом берем Марс, последним – Титан и наводим там шумер по серверам, чтобы перетянуть на себя внимание.

Он так спокойно говорит об этом, будто собрался вскрыть пару допотопных кофейных автоматов, а не обвалить генераторы питания целых колоний.

– Сейчас наша первая задача – разведка. Что мне от вас нужно? Уровень безопасности каждой колонии, потенциальные уязвимости, наиболее выгодный сценарий проникновения для каждой из них. Я надеюсь на ключи, но мы должны быть готовы к тому, что они окажутся нерабочими. Тогда нужно четкое понимание, как будем валить каждый объект: где проще сработать перегрузкой, где брать через уязвимости, куда запускать эксплойты. Брать объекты будем группами. Лайк, Айриш, Стрелка, Чен – на вас Венера. Стилл, Кирк, Бокс, Плут, Генри – Марс ваш. За Титан отвечают Делл, Стив, Йени и Гагарин. Вопросы?

«Только один. Ты выжил из ума?» – думает Лайк, но помалкивает, чтобы не выдать свою нерешительность. Остальные тоже молчат. Ну да, наверняка масштаб дела пугает только его, он ведь на десять лет выпал из обоймы, у них все по-другому. Он помнит, какого это: азарт, который подгоняет тебя, подстегивает, заставляет браться за все более сложные и рискованные дела: вывезешь – не вывезешь?

Зет расценивает молчание как знак продолжать:

– Начнем с формирования стаи, чтобы впопыхах не зафакапить.

Хакеры ерзают на своих местах. Любая форма объединения сознания – сомнительное удовольствие. Но, опять же, никто не высказывает несогласия, поэтому под руководством Зета все поднимаются и рассаживаются по дайв-креслам. Лайк, повинувшись команде, садится рядом с главным и оказывается между ним и Стрелкой. По левую руку от Зета устраивается Стилл – он побежит третьим. Лайк пристально вглядывается в лица, считывает мимику, схватывает периферическим зрением жесты. Велик соблазн заглянуть в показатели биоников, но он боится наткнуться на защиту и спалиться.

Зет медлит. Все уже готовы, а он не спешит инициировать погружение, скользит взглядом по лицам, что-то прикидывает. Лайк бы сейчас себе руку отгрыз, лишь бы узнать, о чем думает будущий альфа. Но не успевает он погрузиться в анализ, как Зет командует:

– Погружаемся.

Начинается дайв. Лайка охватывает привычный зуд возбуждения, ощущения сверх-человечности. В дайве ты становишься всем и никем одновременно: теряешь личность, но обретаешь вместо нее такой простор, такую свободу, такую безграничность, что невозможно потом не жить от дайва до дайва.

Их сознания находятся в пустом невизуализированном пространстве. Зет начинает переключку. Когда отзывается последний, предупреждает:

– Визуализирую стаю.

Он работает по старинке, обращается к архетипам. Сознания участников визуализируются в волков. Это первый образ, который вспыхивает в разуме человека при слове «стая», с ним легче всего обращаться.

Слышится лай вожака, и он срывается в бег. Лайк мчится следом. За ним поспевают Стилл, у которого на хвосте уже «сидит» Стрелка. Волк за волком, они выстраиваются в цепочку, мчатся сквозь безбрежное цифровое пространство. Каждый занимает свое место, привыкает к новой роли. Лайка захлестывает восторг бега, лапы мягко пружинят по несуществующей земле, мышцы разогреты, воздух хлещет в морду. Разум очищается: стая, бег, цель.

Когда стая «сбежалась», Зет начинает объединять ее в единое целое. Со стороны это выглядит так, будто четырнадцать волков сливаются в одного, огромного. На деле это ощущается далеко не так романтично. Лайк чувствует, как его разум засасывает в водоворот чужих мыслей и чувств, как он теряет индивидуальность и тщетно силится ее отыскать в потоке чужих сознаний. Хорошо, что это не рой – он бы уже потерялся. В стае ты чувствуешь раздвоенность: общее сознание и где-то вдалеке – свое собственное. Не теряешь себя полностью, но и не можешь обрести. Но одновременно с этой раздвоенностью приходит чувство могущества. Стайный разум способен обрабатывать информацию с такой скоростью, о которой отдельная личность может только мечтать, даже накачавшись стимуляторами для предела.

Повинуясь Зету, они делают тестовый набег на сервера лунной колонии, которая не будет затронута запуском Солнета, поскольку уже находится в единой Сети с Землей. Стая срабатывается удивительно быстро, сказывается опыт старичков. У них уходит час, чтобы получить доступ к исходному коду системы безопасности генераторов и выйти незамеченными.

На выходе из дайва царит совершенно другая атмосфера. Глаза горят, участники активно обсуждают стайный режим. Жесты становятся более раскрепощенными, ребята встают со своих мест, едят, пьют кофе, болтают. Зет жестом манит Лайка в сторону:

– Остаешься за главного. Я вернусь часа через три. В худшем случае – через пять.

– Уверен, что успеешь к началу?

– Зуб даю. Если что – на связи.

Альфа уходит. Его стая остается, чтобы подкрепиться и взяться за разведку. Работы выше крыши, и это успокаивает каждого.

6.

21 декабря 2112 года

Офис главы Я.Корпорации, Москва, Земля

10 часов до запуска Солнета

Алиса барабанит пальцами по крышке стола, ждет, когда догрузится файл с видео. Как в детстве. Таким далеком, таком безоблачном, но таком отсталом по сравнению с нынешними технологиями. Современные люди разучились ждать, и Алиса – вместе с ними. Можно было бы повременить до завтра и посмотреть уже нормальную трансляцию, но она не может откладывать. Уже привыкла получать новости каждую неделю, и даже день промедления – это слишком. Тем более, кто знает, будет ли завтра на это время. Она и сегодня еле урвала себе полчаса на то, чтобы остаться в кабинете в одиночестве, с чистой совестью отключить все средства связи и посмотреть файл. Который, зараза, грузится так медленно, что еще немного – и начнет выгружаться обратно на Титан.

– Файл готов к просмотру, – бархатным голосом сообщает персональный помощник

Кир, – вывести на экран или просмотришь с погружением?

– С погружением, мой дорогой.

– Готово.

Зуд нетерпения проходит по телу. Кир запускает погружение. Глаза перестраиваются с реальной картинкой на изображение, которое идет с камеры на куполе исследовательского модуля. «Странно, опять рабочая съемка» – думает Алиса. Но она рада даже этой малости. Глаза скользят по обледенелому побережью и наконец находят два силуэта в археокостюмах. Большой размашисто идет к берегу, маленький едва поспевает следом. Сердце Алисы наполняется привычным теплом и ноет от тоски. Увы, столь же привычно.

Следующие двадцать минут она с трепетом наблюдает, как работает эта парочка, как они вытаскивают на берег исследовательский дрон – опять пустой, как и всегда. Но Алиса верит, что однажды им удастся найти что-то интересное. Она верит в генетику, в интуицию, в упрямство. Такие вещи всегда окупаются. Самые великие открытия совершали не прилежные ученики, а безумные упрямцы.

И все же, когда ролик заканчивается, она чувствует что-то сродни раздражению. Вот уже месяц ей присылают только рабочие кадры, всегда в археокостюме, почти всегда – издалека и с напарником. А ведь ей так хочется видеть до боли знакомые черты, вглядываться в них, читать по лицу, разгадывать мысли и чувства. Кокон раздражения лопается, и из него выпархивает подозрительность, подпитанная переживаниями о предстоящей хакерской атаке. А что, если этим дьяволятам удастся обвалить генератор на Титане? Сбой на десять секунд может натворить немало бед в колонии. А ведь ОНА там. Ей грозит опасность, а Алиса даже не может взглянуть в ее глаза, чтобы убедиться, что все хорошо хотя бы сейчас.

Чувства достигают такого пика, что глава Я.Корпорации решает злоупотребить своими полномочиями и вызывает на связь Коростылева:

– Альберт Леонидович, вы меня слышите?

– Алиса? – отзывается тревожный глубокий голос, – Что-то случилось?

– Вам сейчас удобно разговаривать?

– С вами – всегда. Что у вас?

– Я хотела поговорить об... отчетах.

– Ах, вы об этом, – выдыхает он с нескрываемым облегчением, – боялся, что вы про запуск.

- Нет, нет, с запуском все в порядке.
- Славно. Так что там с отчетами?
- Альберт Леонидович, – начинает она, но археолог перебивает.
- Умоляю вас, просто Альберт. Мне неудобно, не зная вашего отчества.

Как и всем. Алиса – это самостоятельное имя, оно не требует шума вроде отчества. Вы можете встретить Алису Алексеевну, Алису Александровну, хоть бы и Алису Фридриховну, и каждой может быть с десяток. Но Алиса – она одна. Каждый знает, о ком речь, когда произносит это имя. Но почему-то каждый упрямец в разговоре с ней ненавязчиво пытается выведать ее отчество. И в каждой формулировке уже слышится зубовный скрежет – такие они все однотипные. Алиса раздраженно обрывает собеседника:

– Хорошо, Альберт, давайте оставим расшаркивания, у нас времени в обрез. Я хотела уточнить, почему все отчеты касаются исключительно рабочего времени. Что-то с камерами в жилых модулях?

– Нет, с камерами все в полном порядке, просто объект на них не попадает. Почти все время в исследовательском модуле, у них там наметился прогресс.

- Нашли что-то интересное?
- Пока нет, но участок перспективный, ребята оттуда не вылезают.
- Так модуль же непригоден.
- Мы переоборудовали, теперь там можно жить.
- А камеру внутрь поставить не догадались?
- Алиса, при всем уважении, это не слишком этично, там же все отсеки на виду.

– Альберт, – строго выговаривает она в ответ, – ваше дело – раскопки и поиск следов цивилизации. Вам следует быть менее щепетильным в вопросах этики, если хотите продолжать получать расширенное финансирование и дополнительные ресурсы, которые я вам обеспечиваю.

– Понял, – отзывается Коростылев без тени раздражения или обиды, – установлю камеры под благовидным предлогом ремонта. Только придется подождать.

- Сколько?
- Неделю-другую. Чтобы не подозрительно.
- Годится. Но не советую вам испытывать мое терпение.
- Как можно!

На этом Алиса прощается и отключается, не желая выслушивать притворное лебезение.

Одновременно с ней разъединяется и откидывается в кресле Коростылев. Центральное управление ходит на ушах, служащие носятся туда-сюда, стараются закончить все дела перед запуском: проверяют оборудование, строчат отчеты, дискутируют. Радостное волнение вперемишку с предвкушением перемен заполняет обширное пространство Центрального. А вот Коростылеву теперь не до восторженной шумихи, он провожает ее безразличным взглядом из-за заслонки командного модуля. Нервным жестом длинных пальцев трет виски.

– Проблемы, Альберт Леонидович? – участливо спрашивает Сотников, его заместитель, развалившийся в соседнем кресле с кружкой кофе в руке.

– Алиса.

Николай Борисович кивает:

– Задает вопросы?

– Да. Ума не приложу, как будем выкручиваться. Она просит поставить камеры в сто тридцать седьмом. Я выбил нам пару недель, но, сам понимаешь...

– Да уж, с Алисой не поиграешь.

– Не поиграешь, – эхом отзывается Альберт, – Вызывай Ларионова.

Главный врач входит в командный уже через три минуты. Как всегда, одет с иголочки, педантично аккуратный и свежий. Он приветствует главного археолога с заместителем и спрашивает их:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.